И. Пальмовъ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВЗГЛЯДЪ

НА

НАЧАЛО АВТОКЕФАЛІИ СЕРБСКОЙ ЦЕРКВИ

И

УЧРЕЖДЕНІЕ ПАТРІАРШЕСТВА

ВЪ ДРЕВНЕЙ СЕРБІИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія А. Катанскаго и К°. Невскій пр., д. № 132.
1891.

И. Пальмовъ.

Его Превосходительству
Петру Алексѣевичу
Васильчикову —
съ [illegible]
[illegible]
2 апрѣля 1891 г.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВЗГЛЯДЪ

НА

НАЧАЛО АВТОКЕФАЛІИ СЕРБСКОЙ ЦЕРКВИ

И

УЧРЕЖДЕНІЕ ПАТРІАРШЕСТВА

ВЪ ДРЕВНЕЙ СЕРБІИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія А. Катанскаго и К°. Невскій пр., д. № 132.
1891.

Печатано по опредѣленію Совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи.
Ректоръ Академіи Антоній, Епископъ Выборгскій.
9 Февраля.
1891 г.

351
38

Историческій взглядъ на начало автокефаліи сербской церкви и учрежденіе патріаршества въ древней Сербіи [1]).

Кому неизвѣстенъ и кому непонятенъ тотъ жизненный—не только не ослабѣвающій, но все болѣе и болѣе возрастающій—интересъ, который возбуждается и поддерживается у насъ разными общественно-политическими, религіозными и др. отношеніями, существовавшими ранѣе и существующими доселѣ на Балканскомъ полуостровѣ? Отношенія эти слишкомъ близко соприкасаются и даже тѣсно связаны съ интересами нашими русскими, и потому неудивительно, что они приковываютъ къ себѣ вниманіе нашего общества. Въ данномъ случаѣ я не могу, конечно, касаться всѣхъ этихъ разнородныхъ отношеній; но позволю себѣ обратить просвѣщенное вниманіе собранія только на ту существенно-важную ихъ сторону, которая соприкасается съ содержаніемъ и характеромъ моей академической спеціальности, именно—съ исторіей славянскихъ церквей, и подлежитъ слѣд. моему посильному научному обсужденію или разъясненію съ академической каѳедры. Ближайшимъ образомъ я разумѣю здѣсь, въ частности, довольно широкую область церковно-исторической жизни народовъ Балканскаго полуострова, которая представляетъ интересъ не для однихъ спеціалистовъ, но—несомнѣнно—и для людей жизни и практической дѣятельности. А въ этой области, не смотря на искусственное ослабленіе къ ней интереса вслѣдствіе усиленія другихъ, какъ, напр., національно-политическихъ интересовъ и пр., совершается однако не мало знаменательнаго, несомнѣнно затрогивающаго не только жизненные

[1]) Рѣчь, произнесенная на годичномъ актѣ С.-Петербургской духовной академіи 17 февраля 1891 г.

интересы церкви, но и національно-политическія судьбы народовъ,— столько внушающаго заботъ и попеченій церкви и вообще нашего серьезнаго вниманія, что мы не можемъ не интересоваться живо всѣмъ этимъ и не можемъ не слѣдить за всѣми перипетіями бурной или—во всякомъ случаѣ—не безмятежной жизни тамъ, гдѣ во всякое время почти готовъ вспыхнуть пожаръ, зарево котораго всегда отражалось и до сихъ поръ отражается на нашей государственно-политической жизни и даже междуцерковныхъ (съ мѣстными православными автокефальными церквами) отношеніяхъ. Такъ, напр., всѣмъ извѣстно, какъ давно началась и съ какою степенью напряженія велась и до сихъ поръ еще продолжается печальная грекоболгарская распря, закончившаяся было, повидимому, въ 1872 году пресловутой „схизмой“ (отлученіемъ болгаръ отъ общенія съ православною греческою церковію), но, однако, и до сихъ поръ еще въ практической жизни не разрѣшенная по крайней мѣрѣ на территоріи этнографическаго смѣшенія болгаръ и грековъ. И до сихъ поръ, не смотря на продолжительную страстную борьбу болгаръ и грековъ, не смотря, повидимому, на печальное ея завершеніе на цареградскомъ соборѣ 1872 года, она по прежнему волнуетъ заинтересованные народы,—конца борьбы еще нѣтъ и спорящія стороны сами, повидимому, не вѣрятъ въ конечную ея развязку на соборѣ 1872 года. Это видно, между прочимъ, изъ того, что цареградская патріархія, не смотря на провозглашенную ею „схизму“ болгаръ, все еще продолжаетъ, напр., протестовать противъ границъ болгарскаго экзархата, опредѣленныхъ въ султанскомъ фирманѣ 1870 года. А сказалось это наглядно по поводу состоявшагося недавно назначенія въ Македонію двухъ болгарскихъ епископовъ (въ Скопье и Охриду), противъ чего такъ энергично возставала и до сихъ поръ возстаетъ не только греческая печать, но и сама патріархія, хлопотавшая предъ Портою объ отмѣнѣ бератовъ, выданныхъ болгарскимъ епископамъ въ Македоніи. Протесты эти во всякомъ случаѣ даютъ основанія для предположенія, что дѣйствіе „схизмы“ не признается самими греками вопросомъ окончательно рѣшеннымъ. Въ противномъ случаѣ, протесты цареградской патріархіи противъ назначенія болгарскихъ епископовъ въ

Македонію, славянская часть которой ранѣе—какъ до начала послѣдней русско-турецкой войны, такъ и послѣ—продолжала оставаться (хотя послѣ войны номинально) въ вѣдѣніи болгарскаго экзарха,—были бы излишни. Вѣдь что-нибудь одно: или провозглашенная въ 1872 г. „схизма“ остается въ силѣ—и тогда нѣтъ каноническихъ, съ точки зрѣнія православной церкви, основаній для настоящихъ протестовъ противъ власти экзарха въ Македоніи, или же—если существуютъ протесты даже патріархіи противъ назначенія болгарскихъ епископовъ на епархіи, занятыя, правда, греческими архіереями, но по населенію считающіяся болгарско-славянскими,—„схизма“, слѣд., не признается самими греками безусловно дѣйствующею и окончательною; мотивы продолжающейся борьбы, какъ и въ самомъ началѣ и въ разгарѣ ея, не чисто-церковные, а гораздо болѣе національные и политическіе. Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ борьба между греками и болгарами продолжается и на церковной почвѣ,—нѣтъ или не видно даже болѣе или менѣе благопріятныхъ признаковъ приближенія окончательно-мирной развязки печальныхъ препирательствъ между греками и болгарами и наступленія желаннаго мира между обѣими спорящими сторонами.

Рядомъ съ несогласіями между греками и болгарами, объектомъ которыхъ служитъ главнымъ образомъ смѣшанная этнографическая ихъ территорія въ Турецкой имперіи (въ т. н. турецкой Ѳракіи и Македоніи), выступилъ на сцену борьбы въ недавнее время новый этнографическо-политическій факторъ, претендующій на Македонію и нѣкоторыя другія части Турецкой имперіи съ славянскимъ населеніемъ, въ церковномъ отношеніи подчиненныя, между прочимъ, вѣдѣнію цареградскаго патріарха. Это — сербы, нѣкогда также обладавшіе политически Македоніею (напр., въ концѣ XIII и въ XIV в.) и другими сосѣдними частями нын. Турецкой имперіи, православныя епархіи которыхъ въ церковномъ отношеніи входили въ составъ сербскаго печскаго патріархата. И тутъ борьба, если ей суждено развиваться изъ начавшихся столкновеній сербовъ съ болгарами и давней глухой или открытой оппозиціи ихъ притязаніямъ грековъ, обѣщаетъ быть не менѣе страстною и вообще для

православнаго міра нежелательною. Уже ранѣе тѣми или другими отдѣльными горячими сербскими патріотами выражалось желаніе возстановить нѣкогда существовавшую и въ 1766 году уничтоженную печскую патріархію, можетъ быть въ виду тѣхъ успѣховъ, которые одержаны или куплены были болгарскими патріотами цѣною раздора съ цареградскою патріархіею. Но въ послѣднее время, по случаю назначенія въ Македонію болгарскихъ епископовъ и вообще вслѣдствіе успѣховъ здѣсь болгаризма, какъ до послѣдней русско-турецкой войны (со времени учрежденія болгарскаго экзархата и распространенія правъ его юрисдикціи и на Македонію), такъ послѣ этой войны и особенно послѣ недавней выдачи бератовъ болгарскимъ епископамъ, среди сербовъ въ особенности Королевства поднялось сильное движеніе противъ „болгарской пропаганды“ въ Македоніи, — это движеніе возбуждала и поддерживала, конечно, почти вся періодическая сербская печать безъ различія представляемыхъ ею политическихъ партій и направленій. Приняли въ немъ горячее участіе и люди практической жизни и дѣятельности: собирали многолюдные митинги, которые составляли резолюціи, петиціи и адресы не только къ своему сербскому правительству, но и къ другимъ юридически и нравственно-авторитетнымъ въ данномъ случаѣ силамъ, напр., къ „турецкому султану“ и „русскому царю“, а также „вселенскому патріарху“ — съ выраженіемъ своихъ мнѣній, желаній и вообще завѣтныхъ стремленій сербства въ тѣхъ краяхъ, которые находятся-де подъ вліяніемъ „чуждой пропаганды“ [1]). На всѣхъ этихъ митингахъ и затѣмъ въ печати неоднократно выражалось сербами, между прочимъ, желаніе имѣть въ Македоніи своихъ сербскихъ епископовъ и священниковъ, а въ нѣкоторыхъ органахъ нашей печати проскользнуло даже извѣстіе, что конечною цѣлью подобнаго рода желаній было и есть стремленіе сербовъ „возстановить патріархію въ Печи (Ипекѣ)“ [2]). Въ упомянутыхъ резолюціяхъ и адресахъ объ этомъ послѣднемъ стремленіи ясно по крайней мѣрѣ не говорится, — можетъ быть подразумѣвается это въ самомъ требованіи резолюцій и адресовъ относительно сербскихъ епископовъ и священниковъ въ Македоніи, „вѣрность“ которыхъ „вселенскому па-

тріарху“ обѣщается однако весьма опредѣленно въ адресѣ послѣднему[3]). Не понятно, слѣд., какимъ образомъ совмѣстима съ „вѣрностію“ „вселенской патріархіи“ мысль о возстановленіи старо-сербской печской патріархіи, прежній церковно-административный центръ которой находится теперь въ границахъ Турціи и въ предѣлахъ цареградскаго патріархата. Правда, вопросъ о возстановленіи печской патріархіи связывается и не съ мѣстонахожденіемъ ея въ древности: даже сербскіе ученые — одни говорятъ, что продолженіемъ ея служитъ карловицкая митрополія—архіепископія [4]), а другіе утверждаютъ, что продолженіемъ уничтоженной въ 1766 г. печской патріархіи можетъ служить только бѣлградская архіепископія—митрополія, долженствующая съ благословенія цареградскаго патріарха получить титулъ и права сербской патріархіи [5]). Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ мечты о возстановленіи печской патріархіи у православныхъ сербовъ не исчезаютъ, историческія воспоминанія обращаютъ ихъ мысль къ будущему, которое для нѣкоторыхъ изъ нихъ, болѣе нетерпѣливыхъ, представляется слишкомъ отдаленнымъ, особенно въ виду тѣхъ — правда весьма серьезныхъ—національно-объединительныхъ цѣлей сербства, какія достигаются отчасти учрежденіемъ патріархіи, способной собрать во едино разрозненное сербство, по крайней мѣрѣ въ Турецкой имперіи. Предположенія, несомнѣнно, идутъ и дальше: патріархія должна служить прототипомъ національнаго объединенія всѣхъ по возможности сербовъ. Но въ такомъ случаѣ вопросъ о возстановленіи сербской патріархіи можетъ принять оборотъ уже испытанный въ исторіи греко-болгарской распри, тѣмъ болѣе, что территорія сербства и наслѣдіе прежней печской патріархіи раздѣлены въ настоящее время между разными политическими и церковно-административными центрами [6]), а потому и желаемое объединеніе ихъ можетъ встрѣтиться съ бо́льшими затрудненіями, чѣмъ съ какими встрѣтились болгаре, находившіеся вмѣстѣ съ греками въ однихъ и тѣхъ-же политическихъ границахъ Турціи и подъ высшею церковною юрисдикціею одного цареградскаго патріарха... Впрочемъ, не указывая на подобнаго рода аналогичный примѣръ изъ исторіи греко-болгарской распри, можно и въ исторіи сербской

церкви найти поучительные примѣры того, какъ рѣшались вопросы, такъ сильно интересующіе теперь сербовъ, вопросы о патріаршествѣ и о средствахъ и формахъ его возстановленія. Въ виду именно того животрепещущаго интереса, какой представляютъ эти вопросы на мѣстѣ столь близкихъ и исторически-связанныхъ съ нами единоплеменныхъ и единовѣрныхъ народовъ Балканскаго полуострова, я обращусь за нѣкоторыми справками именно къ исторіи сербской церкви и позволю себѣ остановить просвѣщенное вниманіе собранія на тѣхъ историческихъ моментахъ ея жизни, которые представляютъ не лишенныя современнаго интереса поучительныя аналогіи. Я избираю вопросъ о началѣ автокефаліи сербской церкви въ древней Сербіи — фактъ учрежденія архіепископіи и вопросъ объ учрежденіи въ ней патріаршества,—избираю два историческихъ момента, раздѣленныхъ сотнею слишкомъ лѣтъ, но однородныхъ и неразрывно связанныхъ между собою, съ тѣмъ, чтобы на нѣкоторыхъ фактическихъ подробностяхъ того и другого момента выяснить ихъ различіе и значеніе для пониманія и оцѣнки современныхъ національно-церковныхъ движеній у православныхъ народовъ Балканскаго полуострова вообще и у сербовъ въ частности—съ точки зрѣнія ихъ цѣлесообразности.

Начало автокефаліи древне-сербской церкви относится къ тому историческому моменту въ жизни и судьбахъ сербскаго народа, когда онъ (во второй половинѣ XII в.) усиліями своего великаго жупана Стефана Немани (1159—1195, сконч. 13 февр. 1200 г.) сталъ объединяться и достигъ, въ границахъ объединенныхъ частей, извѣстной и вскорѣ даже полной независимости отъ грековъ. Доселѣ православные сербы, принявшіе христіанство частію еще при Ираклiи (въ первой половинѣ VII в., ок. 638—40 г.) и потомъ вторично крещенные въ царствованіе византійскаго императора Василія Македонянина (867—886), можетъ быть укрѣпившіеся въ христіанской вѣрѣ подъ вліяніемъ славянской проповѣди (въ югозападныхъ частяхъ Балканскаго полуострова) нѣкоторыхъ учениковъ свв. Кирилла и Меѳодія (изгнанныхъ изъ Моравіи и при-

бывшихъ сюда чрезъ Болгарію),—въ политическомъ отношеніи, во все это и послѣдующее время до Стефана Немани, разбиты были на удѣлы (княжества или жупанства), находились попеременно—то подъ верховною властію Византіи, то болгаръ (со времени завоеваній болгарскаго царя Самуила 977—1014 г.), то опять, со времени покоренія Болгаріи Василіемъ Болгаробойцемъ (1018 — 19 г.), подъ властію грековъ; а въ церковномъ отношеніи подѣлены были между разными центрами, относясь то къ сосѣднимъ греческимъ митрополитамъ и епископамъ (въ періодъ господства грековъ) и подчинялись слѣд. высшей церковной юрисдикціи цареградскаго патріарха, то находясь въ вѣдѣніи охридской архіепископіи (въ періодъ завоеваній и могущества болгаръ, напр., при Самуилѣ). Правда, сербы можетъ быть имѣли на своей территоріи своихъ сербскихъ епископовъ [7]), но они во всякомъ случаѣ должны были подчиняться высшей церковной юрисдикціи двухъ упомянутыхъ церковно-административныхъ центровъ — патріархіи цареградской и архіепископіи охридской. Такъ было, вѣроятно, и въ правленіе самого Стефана Немани, младшему сыну котораго св. Саввѣ удалось уже по смерти отца и въ царствованіе своего старшаго брата Стефана Первовѣнчаннаго (съ 1195 г. до 1224—1228 г.) учредить самостоятельную сербскую архіепископію. Не мѣсто здѣсь излагать всѣ глубоконазидательныя подробности изъ жизни и дѣятельности св. Саввы, которыя вообще освѣщаютъ разныя стороны и разсматриваемаго нами вопроса объ учрежденіи сербской архіепископіи [8]). Можно замѣтить только, что св. Савва (въ мірѣ Растько), младшій сынъ Стефана Немани, надежда и утѣшеніе благочестивыхъ родителей, съ раннихъ лѣтъ своей жизни возчувствовалъ въ себѣ ревность и стремленіе къ уединеннымъ аскетическимъ подвигамъ, удалился на Аѳонъ, отдался тамъ иноческой жизни въ разныхъ монастыряхъ Св. Горы (въ русскомъ монастырѣ св. Пантелеймона, греческомъ Ватопедскомъ и въ устроенномъ имъ потомъ, вмѣстѣ съ своимъ отцемъ, сербскомъ монастырѣ—Хилендарѣ), вызвалъ къ себѣ своего родителя, уже постригшагося на родинѣ, въ м. Студеницкомъ, въ монашество, подъ именемъ Симеона, и здѣсь, сообща съ своимъ родителемъ, упражнялся въ подви-

гахъ христіанскаго благочестія и аскетизма. По смерти отца, вскорѣ перенесши (въ 1208 г.) его мощи въ Сербію, онъ, по просьбѣ своего, правившаго тогда страной, брата, а также и по своей любви къ любимому отечеству и народу и движимый желаніемъ послужить церкви на родинѣ [9]), остался здѣсь нѣкоторое время въ качествѣ игумена Студеницкой обители, получивъ еще ранѣе, въ бытность на Аѳонѣ, санъ архимандрита отъ солунскаго митрополита Константія. Пробывъ здѣсь нѣкоторое время, умиротворивъ страну, занимаясь устройствомъ церквей и монастырей и положивъ въ частности основаніе жичской церкви — будущей архіепископіи, ревностно занимаясь также просвѣщеніемъ своего народа, Савва удалился опять на Аѳонъ, но не надолго, ибо вскорѣ возвратился изъ своего путешествія въ качествѣ уже архіепископа, принесши съ собою въ Сербію всѣ архіепископскія, дарованныя ему цареградскимъ патріархомъ, права и полномочія, преемственно передаваемыя потомъ преемникамъ по каѳедрѣ.

Естественно, что, въ виду намѣченной цѣли, я долженъ остановиться на этомъ эпизодѣ въ жизни св. Саввы и — кстати — весьма важномъ событіи вообще въ исторіи сербской церкви. Въ житіяхъ св. Саввы эпизодъ этотъ представляется какъ бы случайнымъ, т. е. совершившимся, повидимому, безъ предварительнаго плана и намѣреній со стороны св. Саввы, прежде чѣмъ онъ пришелъ въ Никею (гдѣ, по случаю завоеванія Цареграда крестоносцами, находились тогда императоръ и патріархъ). По житіямъ св. Саввы дѣло представляется такъ, что онъ прибылъ въ Никею съ Аѳона прежде всего по „дѣламъ монастырскимъ“, и, „исправивъ“ ихъ, потомъ уже поднялъ вопросъ о посвященіи для Сербіи своего самостоятельнаго архіепископа [10]). Слѣдовательно, вопросъ объ учрежденіи сербской архіепископіи былъ, какъ будто, не главною цѣлію путешествія св. Саввы въ Никею. Однако, есть основаніе думать, что вопросъ этотъ былъ однимъ изъ главнѣйшихъ, ради которыхъ онъ предпринялъ путешествіе на востокъ — въ Никею. Несомнѣнно, что „монастырскія работы“, касающіяся вѣроятно новоустроеннаго сербскаго Хиландаря, занимали св. Савву и теперь, какъ нѣсколько ранѣе и затѣмъ позже, но несомнѣнно также, что и вопросъ объ

учрежденіи сербской архіепископіи, какъ одномъ изъ существенныхъ условій для лучшей организаціи сербской церкви и успѣховъ ея просвѣтительной миссіи въ „отечествѣ“ и въ окрестныхъ съ нею странахъ, служилъ предметомъ особой заботливости и попеченія св. Саввы еще предъ отправленіемъ его въ Никею. На это указываетъ, между прочимъ, и выраженіе одного изъ житій св. Саввы (изд. 1865 г.): „и многые дьни царю дрьжештоу ѣего оу себе, и исправивь работы монастирьскыѣ богоносьныи, и по томь приложи слово рѣшти кь царю о земли своѣего отьчьства“ и т. д. Эти и другія дальнѣйшія слова „житія“ (см. прим. 10) говорятъ противъ „случайности“ поступка св. Саввы и во всякомъ случаѣ даютъ основаніе для предположенія, что мысль объ учрежденіи архіепископіи сербской была у него готовою не только въ моментъ его отправленія въ Никею (хотя ближайшимъ образомъ и по монастырскимъ дѣламъ), но и во время его пребыванія въ „отечествѣ“ и внѣ его—въ аѳонскомъ уединеніи, гдѣ съ молитвою и аскетическими подвигами онъ соединялъ и любвеобильное попеченіе о нуждахъ своего „отечества“ и церкви. Правда, въ другомъ житіи св. Саввы (изд. 1860 г.) говорится: „и потрѣби монастырскые сьврьшивь, вьсхотѣ поити оть царя. богопосланни же сьвѣть вь срьдьци приемь... нынѣ врѣме, Богоу помагаюштоу ми, еже ѡ земли отьчьства моего желаніе срьдьца моего сьврьшити. боудет ли си по семь сиково врѣме, или пакы сѣмо пріити, кто вѣсть, аште живы боудемь“. Какъ будто „богопосланный совѣтъ“, т. е. объ архіепископіи Савва „пріялъ въ своемъ сердцѣ“ въ то время, когда, „исполнивъ монастырскія нужды“, вознамѣрился-было отправиться обратно изъ Никеи. Но, однако, тутъ же ясно открывается, что вопросъ объ учрежденіи въ Сербіи архіепископіи былъ завѣтнымъ „желаніемъ сердца“ Саввы, для разрѣшенія и исполненія котораго онъ, если бы не достигъ ничего теперь, впослѣдствіи опять прибылъ бы въ Никею... Такимъ образомъ, болѣе чѣмъ вѣроятно, что мысль объ учрежденіи сербской архіепископіи возникла у св. Саввы и его брата—короля Стефана гораздо ранѣе никейской миссіи перваго—какъ результатъ ихъ взаимныхъ жела-

ній, предварительныхъ соглашеній и пр. По крайней мѣрѣ, царь (по житію — Θеодоръ Ласкарисъ) на отказъ Саввы отъ архіепископства замѣтилъ между прочимъ: „ѣште прѣжде твоѥго пришьствиꙗ извѣштениѥ имамь, ꙗко твоѥи светыни сьпрѣстольникоу быти апостольскааго сѣданиꙗ, и тебе достоина Богь ми показаль ѥсть; да не прѣрѣкоуи“. Слѣд., еще ранѣе прибытія Саввы въ Никею мысль объ учрежденіи сербской архіепископіи была уже сообщена вѣроятно изъ Сербіи царю и, конечно, патріарху, — Савва прибылъ только для окончанія м. б. ранѣе начатыхъ и веденныхъ переговоровъ объ архіепископіи, онъ прибылъ даже съ „братіею“, изъ числа которой предлагалъ на предположенную архіепископскую каѳедру царю и патріарху избрать достойнаго. Итакъ, нѣкоторыя указанія житій даютъ основаніе для заключенія, что мысль объ учрежденіи архіепископіи не была „случайною“, возникшею у св. Саввы только въ моментъ его никейской миссіи: она назрѣла, такъ сказать, въ тогдашней Сербіи гораздо ранѣе и обусловлена интересами и нуждами православной церкви какъ въ самой странѣ, такъ и въ „окрестныхъ съ нею земляхъ“. Нужды эти заключались прежде всего въ организаціи сербской церкви—учрежденіи сербской высшей іерархіи съ архіепископомъ во главѣ для цѣлей христіанизаціи какъ населенія соб. Сербіи, такъ и окрестныхъ земель („паче же и землѣ многы соуть окрьсть отьчьства ми вь области дрьжавы нашеѥ, нь не достигноуты соуть исправлѣниѥмь божьствьнымь“), въ частности и для защиты ихъ отъ пропаганды латинства, которое было распространяемо назойливыми и всесильными тогда латинизаторами (было время крестовыхъ походовъ, когда латиняне проходили чрезъ земли Балканскаго полуострова!) не только на западныхъ границахъ Сербіи, но и по всему Балканскому полуострову и вообще православному юго-востоку, а также и противъ богомильства, которое широко раскидывало свои сѣти среди православной паствы, не смотря даже на строгія противъ него и другихъ ересей мѣры со стороны царственнаго родителя св. Саввы, Стефана Немани [11]). Всѣми этими религіозными причинами обусловливалась мысль объ учрежденіи независимой сербской архіепископіи. А

политическія соображенія о независимости страны представляли удобную и законную почву для осуществленія этой мысли на дѣлѣ. Потому и безъ особыхъ затрудненій удалось провести ее на дѣлѣ и достигнуть желаемыхъ результатовъ для Сербіи.

Самый фактъ посвященія перваго архіепископа и учрежденія архіепископіи, со всѣми относящимися сюда подробностями, въ источникахъ (житіяхъ) передается слѣдующимъ образомъ. По сказанію обоихъ житій св. Саввы, царь „съ великою радостію“ обѣщалъ исполнить „богосьвѣтьноѥ и богомысльноѥ прошеніѥ“ Саввы, и предложилъ ему избрать достойнаго изъ среды своей братіи. Но, не нашедши ни одного изъ указанныхъ достойнѣе самого Саввы и, не смотря на смиренное отреченіе послѣдняго, уговаривалъ его принять святительскій санъ и настаивалъ на этомъ. Савва, наконецъ, согласился и принялъ святительскій санъ „по чину великой вселенской церкви“ отъ патріарха „со многими митрополитами и епископами“ и такимъ образомъ поставленъ былъ въ архіепископа— по словамъ житія — „роукою вьсеосвештенааго патрїарха вьселѣньскааго Гѣрьмана и повелѣніѥмь царьградьскааго цара кирь Теодора Ласкара“. Это совершилось приблизительно въ 1219 или въ 1221—2 году [12]).

Несомнѣнно, что послѣ акта посвященія Савва не сразу отправился на мѣсто своего служенія, но оставался нѣкоторое время въ Никеѣ, живя здѣсь не только въ качествѣ желаннаго гостя у царя—своего родственника (дочь котораго была выдана за племянника Саввы—Радослава, сына Стефана Первовѣнчаннаго) и патріарха, но главнымъ образомъ ради окончанія всѣхъ дѣлъ, связанныхъ съ вопросомъ объ учрежденіи самостоятельной архіепископіи. По одному житію св. Саввы (изд. 1865 г.), онъ скоро получаетъ грамату отъ патріарха Германа II, въ которой признается „архіепископомъ всѣмъ сербскимъ и поморскимъ землямъ“. получаетъ права автокефаліи „по образу“ патріарха надъ всѣми городами и землями, надъ митрополитами и епископами, попами и діаконами, по правиламъ божественнымъ, самое главное—испрашиваетъ и безъ труда (по этому житію) получаетъ „благословеніе отъ патріарха и всего собора вселенскаго“ для послѣдующихъ сербскихъ архіепископовъ не являться лично къ патріарху за

посвященіемъ, но принимать его у себя дома отъ собора сербскихъ епископовъ, обязуясь поминать имя вселенскаго патріарха „вь прьвыихь“ и пр. [13]). Между тѣмъ, въ другомъ житіи св. Саввы (изд. 1860 г.), по этому послѣднему вопросу (т. е. о независимости сербской архіепископіи отъ цареградскаго патріарха и относительно поставленія сербскаго архіепископа соборомъ мѣстныхъ епископовъ) сообщаются свѣдѣнія, которыя стоятъ, повидимому, въ противорѣчіи съ свидѣтельствомъ перваго: „Царь сиꙗ слышавь, ꙗко прѣмѣни лице свое высокаго ради прошеніа, ниже бо патріархоу ѡтьноудь и вьсѣмь благорѡдныимь оугодно помысли се“... Однакоже, „ради любви къ святомоу“, царь „устыдился“ не исполнить его прошенія и „умолилъ“ патріарха написать ему „благословеніе“ „ꙗко к томоу не приходити оть срьбьскые землѥ вьнѥгда ѡсветити себѣ архіепископа вь Константиньградь“ [14]). Мнѣ кажется, что второе житіе въ данномъ случаѣ не противорѣчитъ первому, а только дополняетъ его, восполняетъ тотъ тайный мотивъ нежеланія „царя, патріарха и благородныхъ“, который остался неотмѣченнымъ у автора перваго житія и который вполнѣ согласуется съ дѣйствіями цареградской патріархіи въ другихъ аналогичныхъ историческихъ случаяхъ.

Такимъ образомъ Савва, получивъ права почти независимой автокефальной архіепископіи и осыпанный разнаго рода дарами и знаками благорасположенія и любви къ нему со стороны царя и патріарха, предпринимаетъ обратное путешествіе чрезъ Аѳонъ (гдѣ онъ оставался нѣкоторое время, путешествуя по монастырямъ, радостно встрѣчаемый и провожаемый братіею) и Солунь (гдѣ также пробылъ нѣкоторое время, бесѣдуя съ митр. Константіемъ „о светыихь заповѣдехь и о доушевьномь оутѣшении“) [15]) въ Сербію, гдѣ по прибытіи вступаетъ въ управленіе ввѣренною церковію въ качествѣ архіепископа и въ продолженіи своего 14-тилѣтняго пребыванія на каѳедрѣ полагаетъ начало организаціи сербской церкви, учредивъ въ ней нѣсколько новыхъ епископій и поставивъ для нихъ достойныхъ епископовъ, съ которыми дѣятельно продолжалъ начатое дѣло церковнаго благоустроенія, соединяя вмѣстѣ съ этимъ и заботу о политическомъ преуспѣяніи

„любимаго отечества“ [16]). Дальнѣйшая дѣятельность Саввы на архіепископской каѳедрѣ и вообще подробности о послѣдующей его жизни и дѣятельности не входятъ въ сферу нашего историческаго обзора. Замѣчу только, что ясно опредѣленное при св. Саввѣ отношеніе сербской церкви къ цареградской патріархіи, освященное авторитетомъ послѣдней, продолжало существовать [17]) и въ послѣдующія времена правленія сербскихъ королей почти до половины XIV вѣка, до времени провозглашенія Стефаномъ Душаномъ (Сильнымъ) себя царемъ сербовъ и грековъ, а своего сербскаго архіепископа—патріархомъ.

Обращаюсь теперь къ фактическимъ подробностямъ изъ исторіи учрежденія въ древней Сербіи патріаршества въ царствованіе Стефана Душана (Сильнаго).

Вступивъ на сербскій престолъ посредствомъ узурпаціи его у своего отца (Стефана Дечанскаго 1320—1331 г.), Стефанъ Душанъ († 1355) является самымъ славнымъ и счастливымъ въ своей дѣятельности сербскимъ государемъ. Онъ расширилъ свои владѣнія до громадныхъ размѣровъ на счетъ сосѣднихъ странъ (Византіи, Болгаріи, западно-сербскихъ земель и отчасти Угорщины, такъ что въ его разношерстную державу входили кромѣ сербовъ—болгаре, греки, албанцы, валахи и др.) [18]), а во внутренней жизни Сербіи предпринялъ цѣлый рядъ законодательныхъ и др. работъ (напр., изд. Законника), прославившихъ его царствованіе. Будучи на верху военнаго счастія, Душанъ мечталъ уже замѣнить падавшую тогда Византію созданіемъ на ея развалинахъ новаго царства, во главѣ котораго онъ самъ хотѣлъ стать царемъ не только сербовъ, но и ромеевъ (т. е. грековъ). Сдача сербамъ Сереса (1345 г.) была въ этомъ отношеніи событіемъ величайшей важности, за которымъ—по словамъ византійцевъ Григоры и Кантакузина—послѣдовало обстоятельство провозглашенія сербскаго королевства царствомъ: „и вся страна до Христополя, кромѣ Солуня, пишетъ Григора, была порабощена имъ; сталъ принадлежать ему и Сересъ, этотъ большой и удивительный городъ, доведенный до

добровольной сдачи двумя неустранимыми бѣдствіями—голодомъ и продолжительною осадою. Теперь-то краль, превзойдя самого себя и усвоивъ слишкомъ неумѣренную надменность, думалъ, что ужь ничто не остановитъ распространенія его могущества и верховной власти надъ остальными греческими землями вплоть до самой Византіи, и провозгласилъ себя царемъ ромеевъ и варварскій образъ жизни перемѣнилъ на обычаи ромеевъ и торжественно возложилъ на себя тіару и всѣ особенныя одежды, усвоенныя этому высокому достоинству, и пользуется ими до сихъ поръ“ [19]). Событіе вѣнчанія Душана на царство, происходившее въ Скопіи 16 апрѣля (въ самый день св. Пасхи) 1346 г., тѣсно связано съ другимъ выдающимся событіемъ его царствованія въ сферѣ церковной—именно возведеніемъ сербскаго архіепископа въ санъ патріарха [20]).

Мысль о патріаршествѣ могла появиться у Душана еще ранѣе, настойчивѣе напрашивалась послѣ объявленія имъ себя царемъ, а бывшаго своего королевства—царствомъ (послѣ взятія въ 1345 г. Сереса), ибо съ понятіемъ царства связывалась тогда мысль и о патріаршествѣ. Такъ было у него на глазахъ въ Византіи, въ сосѣдней Болгаріи, гдѣ также вмѣстѣ съ царемъ былъ тогда и патріархъ. Поэтому и для совершенія обряда вѣнчанія своего на царство необходимо было еще возвысить высшее іерархическое лицо страны—архіепископа въ санъ патріарха, тѣмъ болѣе, что на царство, по понятіямъ того времени, могъ вѣнчать патріархъ [21]). Въ виду всего этого Душанъ предварительно и рѣшается учредить въ предѣлахъ своихъ государственныхъ владѣній самостоятельную, совсѣмъ независимую отъ Цареграда, патріархію, равную по своимъ правамъ цареградской патріархіи, такъ какъ и сербско-греческое его царство должно было—по его мысли—замѣнить Византійскую имперію. Неизвѣстно, сносился ли предварительно по этому вопросу Душанъ съ цареградскимъ патріархомъ (въ то время Іоанномъ XIV Калекою 1333—47 г.). По крайней мѣрѣ, трудно это допустить въ виду тогдашнихъ враждебныхъ отношеній Душана къ Византіи. Потому, вѣроятно, позднѣйшіе сербскіе лѣтописцы и говорятъ, что Душанъ избралъ себѣ патріарха „не по закону“, „безчинно“, „якоже не подобаетъ“, т. е. безъ благословенія

цареградскаго патріарха, отъ котораго, хотя можетъ быть и въ номинальной канонической зависимости, находилась и сербская церковь, испросивъ только благословеніе отъ патріарха терновскаго и архіепископа охридскаго съ соборомъ и призвавъ для этого высшее греческое духовенство завоеванныхъ греческихъ земель, прота, игуменовъ и старцевъ Св. (Аѳонской) Горы [22]). Итакъ, поступокъ Душана шелъ въ разрѣзъ съ практикою и канонами церковными. Но Душанъ, не обращая вниманія на церковные каноны, или точнѣе—не останавливаясь предъ ними, а добившись только благословенія отъ патріарха терновскаго и архіепископа охридскаго и собора прочаго греческаго и сербскаго духовенства, поспѣшилъ поставить себѣ патріарха, нѣсколько ранѣе вѣнчанія своего на царство, съ тѣмъ, чтобы и послѣднему акту придать болѣе торжественности и авторитета. Можетъ быть, день поставленія патріарха, если не совпадаетъ, то весьма близко подходитъ ко времени царской коронаціи [23]), и потому нужно предполагать, что совершилось оно при той же торжественной обстановкѣ, о которой говорится въ источникахъ (по поводу коронаціи Душана царемъ). Въ стольный городъ Душановъ—Скопію созванъ былъ къ этому времени соборъ, на который прибыли всѣ именитые властели королевства сербскаго, все высшее сербское духовенство во главѣ съ своимъ архіепископомъ (въ то время Іоанникіемъ II), терновскій патріархъ Симеонъ съ болгарскими епископами, архіепископъ охридскій (Николай?), греческое духовенство завоеванныхъ у Византіи земель и наконецъ протъ, игумены и старцы Святой (Аѳонской) Горы. Въ присутствіи такого многочисленнаго собора патріархомъ сербскимъ провозглашенъ былъ возведенный еще въ 1337 и началѣ 1338 года на архіепископскую каѳедру изъ логоѳетовъ Іоанникій II. А затѣмъ новоизбранный патріархъ въ присутствіи собора помянутаго духовенства совершилъ обрядъ вѣнчанія Душана на царство.—При такой обстановкѣ совершилось событіе учрежденія сербскаго патріаршества, которое повлекло за собою (хотя и временныя) смутныя и печальныя послѣдствія для взаимныхъ отношеній между сербскою церковію и цареградскою патріархіею.

Одно уже то обстоятельство, что учрежденіе сербскаго патрі-

аршества совершилось безъ согласія или „благословенія“ цареградскаго патріарха, должно было вызвать у послѣдняго недовольство и даже открытое противодѣйствіе. Однако, мы видимъ, что противодѣйствіе это обнаруживается не сразу послѣ совершенія названнаго антиканоническаго поступка; по крайней мѣрѣ, извѣстія о недовольствѣ этимъ поступкомъ со стороны цареградской патріархіи относятся ко времени перваго патріаршествованія Каллиста (1350—1354 г.), который и произнесъ на сербскую церковь „анаѳему„ [24]) (ок. 1352 г.), тяготѣвшую надъ нею почти двадцать пять лѣтъ. Нужно замѣтить, что патр. Каллистъ произнесъ „анаѳему“ въ то время, когда и для сербовъ и для самихъ грековъ былъ бы всего желательнѣе и необходимѣе миръ—въ виду общихъ хищныхъ враговъ, которые надвигались и уже грабили владѣнія имперіи и земли Балканскаго полуострова съ разныхъ сторонъ—съ юго-востока турки съ одной стороны, а съ другой съ запада и сѣвера давніе ихъ западные недоброжелатели, поощряемые Римомъ (напр., угорскій король и др.), издавна питавшіе свои алчные взоры на тѣ же греко-славянскія земли. Но замѣчательно, что патр. Каллистъ, произнося отлученіе на Душана, оправдываетъ свой поступокъ, между прочимъ, тѣмъ, что Душанъ будто соединомышленникъ западной церкви. Правда, въ послѣдніе годы своего правленія, въ виду серьезныхъ угрозъ своей державѣ съ разныхъ сторонъ и въ особенности со стороны угорскаго короля (Людовика В. въ 1353 г.), Душанъ для отстраненія надвигавшейся грозы предпринялъ въ 1354 г. дипломатическія сношенія съ папой. Однако, эти сношенія, радостно—конечно—встрѣченныя папою, не привели къ желаннымъ для послѣдняго результатамъ, но на время—кажется—дали возможность самому Душану, обѣщавшему союзъ съ римскою церковію, оправиться и отстранить пока небезопасный гнѣвъ угорскаго короля. Все-таки, Душанъ и умеръ съ сознаніемъ своего положенія какъ царя православнаго, — дипломатическія сношенія его съ папою, столь обычныя и въ тогдашней Византіи въ виду тяжелыхъ политическихъ испытаній, осуждаемыя, конечно, съ нравственной точки зрѣнія, были вызваны политическими соображеніями, не нарушившими его традиціонныхъ вѣроисповѣдныхъ

убѣжденій. Слѣд., временное дипломатическое его сближеніе съ Римомъ, уже послѣ произнесенія на него „анаѳемы“, не можетъ служить настоящею причиною и оправданіемъ рѣшительнаго шага патр. Каллиста, который къ тому же зналъ, что и современные ему греческіе императоры Іоаннъ Кантакузинъ и Іоаннъ Палеологъ позволяли себѣ въ минуту опасности дѣлать тоже, на что рѣшился и Душанъ, оставшись, однако, вѣрнымъ своей православной церкви [25]).

Намъ точно неизвѣстно, почему „анаѳема“ произнесена только чрезъ извѣстный промежутокъ времени послѣ „самочиннаго“ провозглашенія патріаршества, а не сразу послѣ этого акта. Впрочемъ, вопросъ этотъ отчасти разъясняется въ связи съ анализомъ самыхъ причинъ, вызвавшихъ отлученіе.

Изъ вышеприведенныхъ историческихъ указаній видно, что самый уже фактъ „самочиннаго“ провозглашенія патріаршества могъ служить нѣкоторымъ основаніемъ для цареградской патріархіи произнести отлученіе на непокорнаго и не уважающаго церковныхъ каноновъ сербскаго царя. При этомъ нужно имѣть въ виду другія аналогіи изъ отношеній цареградской патріархіи къ требованіямъ православныхъ балканскихъ славянъ объ автокефаліи мѣстныхъ церквей.

Не воспроизводя здѣсь подробностей относительно нѣкоторыхъ подобнаго рода случаевъ, не излишне сопоставить съ разсматриваемымъ событіемъ сербской исторіи современный эпизодъ изъ отношеній цареградской патріархіи къ болгарскому терновскому патріарху. Болгарская терновская патріархія была признана цареградскимъ патріархомъ, ибо она учреждена была (1235 г.) съ его согласія и съ согласія другихъ восточныхъ патріарховъ. Но, однако, впослѣдствіи — въ началѣ вторичнаго своего патріаршествованія (1355—1362 г.) — тотъ же патр. Каллистъ, который ранѣе произнесъ отлученіе на сербскую церковь, въ граматѣ къ терновскому духовенству (1355 г.), высказывая свое недовольство, между прочимъ, на то, что имя вселенскаго патріарха мѣстный т. е. терновскій патріархъ не поминаетъ при богослуженіи, заявлялъ при этомъ, что — какъ значится въ свиткѣ (τόμος) патр. Германа II — „удостоенному чести патріаршества (болгарской церкви) архіерею болгарскаго народа

все-таки не было дано совершенной самостоятельности. но подъ условіемъ данничества, т. е., что онъ будетъ давать дани и уроки почтившему его патріарху, будетъ и возносить имя послѣдняго въ церкви, исполняя это какъ свою къ нему повинность, подобно одному изъ подчиненныхъ Константинополю митрополитовъ, что онъ будетъ подлежать учетамъ и отчетамъ и будетъ потребованъ къ суду, если будетъ обличенъ въ уклоненіи отъ данничества". Правда, вслѣдъ за этимъ патр. Каллистъ прибавляетъ слѣдующее: „если константинопольскій престолъ возстязуетъ, исправляетъ и утверждаетъ и скрѣпляетъ суды иныхъ патріарховъ, т. е. александрійскаго, антіохійскаго и іерусалимскаго, какъ это сказуютъ божественныя правила и свидѣтельствуютъ самыя дѣянія, то тѣмъ болѣе этотъ престолъ будетъ господиномъ болгарской церкви, отъ котораго (ея предстоятель) былъ удостоенъ титла патріарха". Такимъ образомъ здѣсь, повидимому, недвусмысленно констатируется фактъ, что болгарской терновской патріархіи предоставлена была автокефалія, почти на тѣхъ же правахъ, на которыхъ она признана за другими восточными патріархатами. Однако, ниже въ той же граматѣ къ терновскому духовенству, патр. Каллистъ прибавляетъ еще слѣдующее: „Знайте прямо, что если бы не было нашего искренняго отношенія и расположенія къ превысокому царю болгарскому во св. Духѣ подлиннѣйшему сыну нашей мѣрности, господину Асану, и если бы онъ не огорчился по такой причинѣ, то мѣрность моя, какъ вселенскій патріархъ... имѣлъ бы право на священномъ и великомъ соборѣ нашемъ подвергнуть испытанію и суду его поступки... но любовь и расположеніе къ этому царю склоняютъ насъ въ пользу того, чтобы все это оставить безъ послѣдствій, пока все само собою не получитъ исправленія отъ терновскаго патріарха" [26]).

Такимъ образомъ, если цареградскій патріархъ Каллистъ, предшественники котораго по каѳедрѣ утвердили автокефалію терновской патріархіи, считалъ однако подсуднымъ себѣ предстоятеля ея и вообще смотрѣлъ на дарованныя права, какъ на нѣкоторую уступку болг. царю I. Асѣню II (1218—41 г.) при самомъ учрежденіи патріархіи, а теперь какъ на дань „расположенія" къ царю I. Александру Асѣню (1331—65 г.), то тѣмъ болѣе по

поводу поступка Душана, не получившаго благословенія для сербской патріархіи изъ Цареграда, онъ естественно могъ рѣшительнѣе заявить свой протестъ противъ самочиннаго акта сербскаго царя и произнести отлученіе отъ единства съ „вселенскимъ“ престоломъ на него и на всю сербскую церковь. Причиною гнѣва патріарха и отлученія сербской церкви отъ вселенскаго единства было — можетъ быть также не менѣе важное для цареградской патріархіи—обстоятельство, которое усиливало начавшійся расколъ. Извѣстно, что Душанъ, завоевавъ на югѣ значительную часть владѣній Византіи въ Македоніи, Θессаліи и Эпирѣ и другихъ греческихъ земляхъ, долженъ былъ подчинить своему печскому патріарху и греческія епархіи, бывшія до сихъ поръ подъ церковною юрисдикціей цареградскаго патріарха [27]). Кромѣ того, извѣстно также, что Душанъ, не надѣясь вѣроятно на патріотизмъ греческихъ епископовъ, изгналъ ихъ, по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ менѣе надежныхъ, и замѣнилъ ихъ сербами [28]). Присоединеніе этихъ-то епархій къ печскому патріархату, въ связи съ фактомъ изгнанія отсюда греческихъ епископовъ, и вызвало вѣроятно усиленный гнѣвъ въ Цареградѣ и стало однимъ изъ главныхъ мотивовъ къ послѣдующимъ переговорамъ между анаѳематствовавшими и анаѳематствованными. Патріархъ цареградскій требовалъ конечно возвращенія греческихъ епархій подъ свою непосредственную церковную юрисдикцію, а Душанъ (и его преемники и единомышленники), выходя изъ государственныхъ соображеній, не соглашался уступить, тѣмъ болѣе, что это противорѣчило политическимъ его вожделѣніямъ относительно замѣны падавшей Византіи новосозданнымъ имъ царствомъ сербовъ и ромеевъ, изъ которыхъ послѣдніе должны были составлять также основной культурно-этнографическій слой разношерстной его державы. Отказъ Душана и послужилъ, вѣроятно, *ближайшимъ* поводомъ къ извѣстной „анаѳемѣ“.

Есть извѣстіе, что Душанъ желалъ примириться съ цареградскимъ патріархомъ, но однако это же извѣстіе не говоритъ о дѣйствительности примиренія, такъ что онъ и умеръ, какъ говорится въ одномъ изъ сказаній объ этомъ,—„зьлобоу сию не погребеноую оставль“ [29]). Такимъ образомъ, Душану, не смотря на попытки его къ примиренію, не удалось все-таки достигнуть

соглашенія съ цареградскою патріархіею. „Анаѳема“ продолжала тяготѣть надъ сербскою церковію и послѣ Душана. Для снятія ея ничего не было сдѣлано и въ 12-лѣтнее царствованіе сына Душанова—Стефана Уроша V († 1367), слабаго его преемника, при которомъ правители учрежденныхъ еще Душаномъ намѣстничествъ или деспотій присвоивали каждый себѣ самостоятельную власть, не подчиняясь, почти номинальному теперь, авторитету царя [30]). Во время взаимныхъ крамолъ деспотовъ, при отсутствіи сильнаго авторитета царя, нельзя было и думать о разрѣшеніи церковнаго раскола съ цареградскою патріархіею. Поэтому авторъ краткаго извѣстія (въ т. н. „Родословѣ“) о времени Стефана Уроша, замѣчаетъ, что онъ мало благоденствовалъ и испыталъ бѣду великую отъ своихъ властелей, процарствовавъ немного лѣтъ, умеръ „ничесоже о прѣдьченѣи зълобѣ сьтворь“. Конечно, никакого попеченія въ этомъ отношеніи не обнаружилъ и мнимый или дѣйствительный убійца Стефана Уроша V — король Вукашинъ (Волкашинъ), скоро погибшій въ битвѣ съ турками на р. Марицѣ (26 сент. 1371 г.) [31]). Только братъ Вукашина, Іоаннъ Углеша, управлявшій въ качествѣ намѣстника (деспота) греческими частями сербскаго государства, предпринялъ нѣкоторыя дѣятельныя мѣры къ примиренію съ цареградскою патріархіею. Въ началѣ (м. мартѣ) 1368 г. І. Углеша отправилъ нарочитое посольство съ письмомъ въ Цареградъ, въ то время, когда патріаршую каѳедру во второй разъ занималъ патр. Филоѳей (въ первый разъ 1354—5 г.; вторично 1362—76 г.). Въ своемъ письмѣ І. Углеша признавалъ незаконность поступка Душана, который „не канонически поставилъ патріарха самочинно посвященнаго, дерзновенно похитилъ и передалъ ему не мало митрополій вселенской Христовой церкви. Отсюда-то, писалъ Углеша, случилось то, что расколъ (схизма) не былъ чѣмъ-то маловажнымъ и члены тѣла Христова отъ главы къ несчастію отсѣчены, лишены исходящей отъ нея животворной силы и умерщвлены. Не желая видѣть неисправленнымъ таковое раздѣленіе (букв. нововведеніе) и несправедливость, а равно и душевную гибель столькихъ людей, находящихся подъ моимъ скипетромъ и властію, я (букв. царство мое)...ославши поэтому посольство къ

всесвятѣйшему моему владыкѣ, вселенскому патріарху, просилъ (усиленно) о врачеваніи таковаго зла, а онъ именно не пренебрегши, но по своей отеческой любви (букв. заботливости) снизошедши, послалъ владыку моего и отца, предстателя и врача моей души преосвященнѣйшаго митрополита никейскаго, пречестнаго и экзарха всей Виѳиніи, который, пришедъ и разрушивъ средостѣніе раздѣленія, съ большимъ трудомъ и усиліями умиротворилъ силою всесвятаго Духа раздѣленное и примирилъ дѣтей съ общею матерью, сообщивъ намъ благословеніе (букв. освященіе) и просвѣщеніе, божественные и духовные (благодатные) дары. Поэтому и я чрезъ него, продолжаетъ далѣе І. Углеша, возвращаю Царю и Владыкѣ Господу нашему І. Христу, вселенской церкви и всесвятѣйшему владыкѣ моему, вселенскому патріарху, всѣ отнятыя церкви и митрополіи и всѣ патріаршія права совершенно и добровольно, ибо все это теперь находится въ моей власти, когда я началъ это богоугодное и спасительное дѣло, послѣ того какъ вслѣдствіе упомянутаго отторженія (епархій) соблазнъ церкви продолжался не мало времени и гибло столько душъ. И таковое возвращеніе божественнаго права и примиреніе съ вселенскою церковію и послушаніе (покорность) будетъ стоять твердо и нерушимо до скончанія вѣка, дондеже врата ада не одолѣютъ церкви Христовой“ и т. д. Въ заключеніе своего письма І. Углеша угрожаетъ всѣмъ, кто бы опять не только въ настоящемъ, но и въ будущемъ осмѣлился нарушить возвращаемыя патріархіи права, отлученіемъ отъ церкви, проклятіемъ 318 св. отцевъ никейскаго собора, собиравшихся на соборъ ради церковнаго мира и единенія [32]). Но ходъ взаимныхъ переговоровъ между цареградскою патріархіею и Углешею былъ почему-то замедленъ. Только въ 1371 году наступило, повидимому, время для окончательнаго примиренія сербской церкви съ цареградскою патріархіею. Въ этомъ именно (1371) году патріархомъ Филоѳеемъ выдана и подписана соборная грамата объ окончательномъ, повидимому, примиреніи сербской церкви во владѣніяхъ І. Углеши съ цареградскою патріархіей, непремѣннымъ условіемъ котораго поставлено было возвращеніе греческихъ епархій изъ-подъ власти сербскаго печскаго патріарха опять подъ цер-

ковную юрисдикцію цареградскаго патріарха. Въ этой граматѣ патріархъ, изложивъ кратко дѣло объ отторженіи греческихъ епархій отъ цареградской патріархіи и подчиненіи ихъ сербскому печскому патріарху, который посвящалъ для тѣхъ епархій архіереевъ и предстоятелей церквей, пишетъ далѣе, что „вслѣдствіе именно этого отдѣлился отъ общенія съ церковію самъ архіепископъ и вси съ нимъ сущіе и принявшіе отъ него посвященіе какъ архіереи, такъ и священники и діаконы съ клириками и безчисленнымъ множествомъ народа“. Сказавъ затѣмъ о желаніи деспота Іоанна Углеши, „мужа благоразумнаго, добраго нрава, чистой совѣсти и богобоязненнаго“— возсоединить указанныя епархіи и церкви съ ихъ „матерью и главою церквей“ и объ обращеніи его съ этою цѣлію къ патріаршему синоду, патріархъ далѣе продолжаетъ излагать ходъ и рѣшеніе самаго дѣла слѣдующимъ образомъ: „И возсоединились митрополіи эти съ великою и вселенскою церковію, возвратившею себѣ опять свое, чего она предъ тѣмъ лишилась, и мы приняли архіереевъ ихъ въ общеніе, другихъ же и хиротонисовали, и состоялось единеніе и возстановленіе (отношеній), какъ прежде. Поэтому мѣрность наша вмѣстѣ съ священнымъ и великимъ синодомъ преосвященнѣйшихъ и пречестныхъ архіереевъ разсмотрѣвъ дѣло, выдаетъ настоящую синодальную грамату, которою повелѣвается въ св. Духѣ чтить и твердо держаться состоявшагося этого священнаго рѣшенія (букв. дѣянія), на послѣдующія времена, такъ что отселѣ эти церкви возсоединены съ святѣйшею и каѳолическою великою Христовою церковію и никто не имѣетъ права когда-нибудь и какимъ бы то ни было образомъ дерзнуть отторгнуть эти церкви отъ великой церкви, что бы тамъ (въ томъ мѣстѣ) ни случилось, перемѣна ли правителя области (букв. мѣстности), или что-нибудь другое. Итакъ, на будущее время ради безопасности мѣрность наша синодально изрекаетъ страшное отлученіе противъ того, кто бы захотѣлъ и рѣшился когда-нибудь вообще раздѣлить эти церкви, въ какомъ бы званіи, чинѣ и порядкѣ ни оказался таковый, митрополитъ-ли, или епископъ, или священникъ, или діаконъ, или вообще (лице) священнаго званія, или клирикъ какой-нибудь церкви, или монахъ, или правитель области (букв. мѣстности),

или міряninъ, или другой, кто бы онъ ни былъ. Пусть же всѣ знаютъ, что, если что-нибудь, подобное прежнему, случится, то сдѣлавшіе это не получатъ опять, какъ и прежде, снисхожденія со стороны церкви, но имѣющіе священный санъ — архіереи ли, или іереи, будутъ отрѣшены великимъ синодомъ окончательно, а міряне, правители ли, или простые граждане, будутъ преданы отлученію, какъ раздѣляющіе и разсѣкающіе церковь Христову и отдѣляющіе членовъ ея отъ главы“ и пр. [33]).

Итакъ, только-что указанная грамата патр. Филоѳея окончательно, повидимому, разрѣшала довольно долго, почти цѣлыхъ двадцать пять лѣтъ, длившійся расколъ между сербскою церковію и цареградскою патріархіею: послѣдовало между ними, повидимому, окончательное примиреніе. Но, однако, и на этотъ разъ состоявшееся на извѣстныхъ условіяхъ соглашеніе не было окончательнымъ, или точнѣе—не было повсюду (кромѣ м. б. владѣній І. Углеши, убитаго въ сраженіи съ турками на р. Марицѣ въ 1371 г.) приведено въ исполненіе. Какъ извѣстно, свирѣпствовавшіе уже въ это время въ юго-восточной части Балканскаго полуострова турки отвлекали вниманіе мѣстныхъ жителей и ихъ вождей отъ всѣхъ другихъ вопросовъ — кромѣ борьбы съ новымъ приблизившимся, хотя еще и не вполнѣ испытаннымъ, врагомъ. Въ томъ же 1371 г. происходило знаменитое въ исторіи турецкихъ завоеваній Балканскаго полуострова сраженіе балканскихъ народовъ, гл. обр. сербовъ, съ турками на р. Марицѣ—26 сентября, когда погибли здѣсь сербскіе вожди—король Вукашинъ, деспотъ Углеша и избранные сербскіе бояре, прибывшіе сюда въ главѣ 60,000 войска съ благородною цѣлію изгнанія турокъ изъ Европы, но, вслѣдствіе своей безпечности, сдѣлавшіеся жертвою побѣды въ 15-ть разъ слабѣйшаго турецкаго войска [34]). Съ гибелью Углеши былъ пріостановленъ, вѣроятно, и его планъ соглашенія съ цареградскою патріархіею. Къ тому же, наступившее вслѣдъ затѣмъ безначаліе въ Сербіи, конечно, не представляло достаточно удобной почвы для искомаго и желательнаго примиренія. Занявшій, по праву сильнѣйшаго, сербскій престолъ одинъ изъ Душановыхъ деспотовъ кн. Лазарь, столь прославленный въ исторіи св. мученическою кончиною на Косовомъ

полѣ въ борьбѣ съ турками (1389 г.), долженъ былъ бороться также и съ внутренними искателями сербскаго престола. Препятствія, слѣд., для водворенія церковнаго мира возникали со стороны этихъ искателей престола. А въ нѣкоторыхъ источникахъ есть даже намекъ и на то, что самъ патріархъ тогдашній Савва IV (1354—75 г., второй послѣ Іоанникія) былъ противъ соглашенія съ цареградскою патріархіей. Все-таки, въ правленіе того-же князя Лазаря и при томъ же патріархѣ Саввѣ, состоялось уже окончательное примиреніе сербовъ съ цареградскою патріархіею. Несомнѣнно, что благочестивый князь Лазарь, равно и весь вообще благочестивый народъ, тяготился „расколомъ“ и сознавалъ нравственную потребность въ устраненіи его [35]). И вотъ, въ 1375 г. является къ князю одинъ благочестивый аѳонскій подвижникъ-старецъ Исаія, возбуждаетъ его ревность къ этому дѣлу и получаетъ отъ него полномочіе сообщить объ этомъ тогдашнему патріарху Саввѣ, съ тѣмъ, чтобы получить разрѣшеніе итти въ Цареградъ. Послѣ нѣкотораго сопротивленія (старецъ Исаія „едва умоли его“, т. е. патріарха), патріархъ наконецъ склонился и самъ теперь въ свою очередь „умолилъ“ старца Исаію взять на себя трудную миссію въ Цареградѣ. Повинуясь, однако, столько же своему собственному желанію, сколько и велѣнію князя и патріарха, съ вѣдома „старой“ царицы Елизаветы и всѣхъ властелей, старецъ Исаія отправляется въ Цареградъ, беретъ съ собою честнѣйшаго и добродѣтельнаго бывшаго прота Святой Горы киръ Ѳеофана и двухъ учениковъ его—Сильвестра и Нифонта (въ житіи Исаіи—Никандра), а также Никодима въ качествѣ толмача, и чрезъ Аѳонъ направился къ мѣсту своего назначенія. Послѣ испытанныхъ на дорогѣ бѣдъ и страха, онъ прибылъ въ Цареградъ и принятъ былъ съ честію царемъ и патріархомъ (Филоѳеемъ) со всѣмъ соборомъ. Соборно теперь снимаются всѣ прежнія запрещенія и отлученія царя и патріарха и всѣхъ живыхъ и умершихъ, всѣ архіереи и іереи принимаются въ общеніе и сослуженіе. Но происходитъ здѣсь — по свидѣтельству одного сказанія—„нѣчто лучшее ради прибывшихъ, паче же ради киръ Исаіи, ибо онъ былъ возлюбленъ патріархомъ“, а именно: разрѣшаютъ сербамъ имѣть не архіепископа только, а „самовластнаго

патріарха", никому не подчиненнаго, подъ однимъ условіемъ, чтобы въ случаѣ, если сербы окрѣпнутъ и овладѣютъ опять греческими областями, они не перемѣнили митрополитовъ, какъ и повелѣваютъ соборныя правила. Обо всемъ этомъ написана была соборная грамата, съ которою и отправленъ былъ старецъ Исаія „съ великою любовію и честью", а для „лучшаго извѣщенія" (т. е. формальнаго примиренія) отправлены были въ Сербію два священноинока Матѳій и Моисей, которые, въ качествѣ уполномоченныхъ отъ лица патріарха, прибывъ въ столицу тогдашней Сербіи—Призрѣнъ и взошедши въ придворную царскую церковь, совершили служеніе и пріобщились къ святителямъ и священникамъ сербскимъ, отлученнымъ прежде [36]); прочитали разрѣшительную молитву надъ умершими—царемъ Стефаномъ (Душаномъ), патр. Іоанникіемъ и Саввою (который не дожилъ до момента окончательнаго примиренія), надъ царемъ Урошемъ и всѣми великими и малыми. „И бываѣть (тогда), замѣчаетъ авторъ одного сказанія объ этомъ (въ т. н. „Родословѣ"), „радость велика и веселиѣ, сьѣдинише бо се оуди къ главѣ, и приѣть пакы црькьви своѣ благолѣпиѣ". Понятны поэтому заключительныя слова автора сказанія „о поставленіи третьяго патріарха Ефрема (избраннаго въ патріархи, послѣ снятія анаѳемы, соборомъ митрополитовъ, епископовъ, честныхъ игуменовъ и пр., при искательствѣ разныхъ честолюбцевъ, поощряемыхъ вѣроятно соперничествовавшими между собою деспотами) съ благословенія патр. цареградскаго и всего собора", когда онъ замѣчаетъ: „и семоу бывшоу прѣосвештеномоу и богоносьномоу патрїархоу кирь Ѣфремоу, и абиѣ оутиши се ѣже о црькьви боура, и вьсакь сьоузь раздрѣши се, и бываѣть патрїарьхиа Коньстаньтина града сь срьбьскомь патрїарьхиомь вь любьви и сьмирении и въ ѣдиньствѣ, такоже заповѣдь Христова пишеть: по томь познаютъ вы аште оученици мои ѣсте, аште имате любовь междоу собою" [37]).

Такова сущность и подробности обстоятельствъ окончательнаго примиренія сербской церкви съ цареградской патріархіей. Результатомъ примиренія было также утвержденіе въ санѣ патріарха сербскаго архіепископа, слѣдовательно, съ этого времени получила законное „благословеніе" ранѣе учрежденная

„самочинно“ сербская патріархія, продолжавшая отселѣ непрерывно существовать до уничтоженія ея въ 1766 г. и присоединенія ея епархій къ цареградскому патріархату. О возстановленіи этой-то, уничтоженной въ 1766 году, печской патріархіи и поднимаютъ иногда рѣчь извѣстные сербскіе патріоты и даже ученые,—первые безъ опредѣленной, болѣе или менѣе ясной программы дѣйствій, въ формѣ платоническихъ только вожделѣній, но съ опредѣленною, повидимому, тенденціей національнаго возвышенія сербства, а вторые съ извѣстными научными комментаріями относительно того — кто теперь носитель правъ и привиллегій уничтоженной печской патріархіи: сремско-карловицкій-ли архіепископъ-митрополитъ, или митрополитъ сербскій и архіепископъ бѣлградскій, долженствующій, по мнѣнію нѣкоторыхъ, принять на себя титулъ архіепископа жичскаго и патріарха сербскаго [38]). Не имѣя пока нужды входить въ разъясненіе этихъ во всякомъ случаѣ любопытныхъ вопросовъ, я долженъ теперь, въ заключеніи своей рѣчи, сопоставить общіе выводы относительно двухъ разсмотрѣнныхъ мною выдающихся событій древне-сербской исторіи, т. е. учрежденія архіепископіи св. Саввою и провозглашенія патріаршества при царѣ Стефанѣ Душанѣ (Сильномъ).

Первое событіе—учрежденіе автокефальной сербской архіепископіи св. Саввою обусловливалось столько же нуждами религіозными, желаніемъ дать твердую организацію сербской церкви для успѣха и развитія ея христіанско-просвѣтительной миссіи, сколько и сознаніемъ политической важности требуемой церковной организаціи со стороны тогдашней государственной власти, которая дѣйствовала согласно съ предстоятелями церкви не только въ силу родственныхъ отношеній (напр., между Саввою и его братомъ Первовѣнчаннымъ королемъ Стефаномъ), но главнымъ образомъ вслѣдствіе тѣсной связи интересовъ христіанскаго государства и церкви. Достаточно широко раздвинувшіяся политическія границы объединенныхъ (хотя далеко не всѣхъ) сербскихъ земель требовали и въ сферѣ церковной такой же самобытной организаціи, какой страна

достигла въ государственномъ отношеніи. Такъ было въ исторіи христіанской церкви и прежде—съ тѣхъ поръ, какъ христіанство стало господствующею религіею въ древней Римской имперіи: стремленіе сообразовать церковную организацію съ гражданско-политическимъ дѣленіемъ было принципомъ, ясно выраженнымъ не только въ практикѣ церковной, но и въ канонахъ церковныхъ [39]) и гражданскихъ постановленіяхъ. Поэтому въ житіи св. Саввы, когда разсказывается о посвященіи его въ санъ архіепископа и о полученіи имъ архіепископской автокефаліи для сербской церкви на послѣдующія времена, говорится, что онъ „испроси благословениѥ отъ чьстьнааго патриꙗрьха и отъ вьсего сьбора вьселѥньскааго, ꙗко кь томоу пакы не ходити иномоу арьхиѥпископоу вь вьселѥноую на освештениѥ, нь толико поменованиѥ ѥго вь прьвыихь, и самоосвештеноу быти отьчьствоу ѥго, ꙗкоже и Божиѥю помоштию самодрьжавьно ѥсть“ [40]). Ясно такимъ образомъ, что для „самодержавнаго отечества“ св. Саввы нужна была соотвѣтствующая церковная власть, чтобы „самоосвештеноу быти отьчьству ѥго“. Неудивительно поэтому, что греческій царь и патріархъ съ своимъ соборомъ не противились просьбѣ св. Саввы объ учрежденіи въ Сербіи архіепископіи. Правда, въ одномъ изъ житій св. Саввы (изд. 1860 г.), какъ показано выше, говорится, что царь, услышавъ просьбу Саввы, „прѣмѣни лице свое высокааго ради прошеніа, ниже бо патріархоу отьноудь и вьсѣмь благородныимь оугодно помысли се“...[41]) Но, однако, въ дальнѣйшихъ подробностяхъ житійнаго разсказа ясно выступаетъ снисходительное отношеніе царя и патріарха къ просьбѣ Саввы: о благосклонномъ пріемѣ, любви и расположеніи ихъ къ просителю-гостю, какъ во время пребыванія въ Никеѣ, такъ и при разставаніи говорится ясно и въ этомъ житіи, равно также нѣтъ ничего здѣсь двусмысленнаго и относительно сознанной царемъ и патріархомъ необходимости уступить законному требованію Саввы насчетъ самостоятельнаго для „самодержавнаго его отечества“ архіепископа съ сохраненіемъ почти номинальной церковной юрисдикціи патріарха надъ сербскою церковію (съ поминовеніемъ его имени „вь первыихь“ и пр.). Можетъ быть съ этою послѣднею формою зависимости связывалась

та система „даннічества“, о которой говорится, наприм., въ грамать патр. Каллиста по поводу извѣстныхъ церковныхъ „правонарушеній“ въ болгарской терновской патріархіи. Однако же, изъ источниковъ спеціально сербскихъ и другихъ мы объ этомъ не знаемъ и останавливаемся поэтому на фактѣ и его объясненіяхъ, вытекающихъ изъ содержанія и смысла житійныхъ сказаній. Во всякомъ случаѣ личность св. Саввы, внушавшаго къ себѣ не только родственную любовь со стороны царя, но и особое вниманіе со стороны патріарха, его также правильное, не антиканоническое поведеніе въ дѣлахъ междуцерковныхъ отношеній служили надежною гарантіею благопріятнаго исхода его, такъ сказать, церковно-дипломатической миссіи въ Никеѣ: такой смыслъ толкованій согласуется съ содержаніемъ фактическихъ подробностей источниковъ житійныхъ.

Если теперь обратимся къ другому разсмотрѣнному событію древне-сербской исторіи—учрежденію патріаршества, то въ исторической обстановкѣ этого событія замѣтны другія стороны, которыя вызвали въ Цареградѣ не только протестъ, но и повлекли за собою отлученіе сербской церкви отъ общенія съ „вселенскою“. Выраженія сербскихъ источниковъ—„не по закону“, „безчинно“ „также не подобаѣетъ“—выраженія эти, характеризующія поступокъ Душана, ясно опредѣляютъ и то положеніе, которое должна была занять цареградская патріархія въ отношеніи къ факту „самочиннаго“ учрежденія сербскаго патріаршества, безъ „благословенія“ той высшей церковной власти, отъ которой находилась въ зависимости, хотя почти и номинальной, сербская церковь. Схизма слѣдовательно представлялась возможною, во-первыхъ, при неканоничности (м. б. и вынужденной тогдашними острыми отношеніями между сербами и греками) поступка Душана въ дѣлѣ провозглашенія патріаршества, а во-вторыхъ при тѣхъ обостренныхъ отношеніяхъ, которыя въ то время существовали между Душаномъ и Византіею, которая именно лишилась значительной части своихъ прежнихъ владѣній и своихъ греческихъ епархій, подчиненныхъ теперь вѣдѣнію печской патріархіи. Къ тому же отторгнутыя греческія епархіи были лишены своихъ бывшихъ законныхъ архипастырей, которыхъ замѣнили теперь сербы. Послѣднія причины разрыва, какъ видно было изъ

представленнаго очерка сношеній сербовъ съ цареградскою патріархіею, были не менѣе важными, чѣмъ и первая, можетъ быть для улаженія возникшихъ пререканій были и болѣе существенными, чѣмъ первая. По крайней мѣрѣ, въ документальныхъ греческихъ источникахъ (напр., въ граматѣ патр. Филоѳея, а также въ письмѣ І. Углеши) главный пунктъ, поддерживавшій расколъ и особенно служившій предметомъ переговоровъ, былъ фактъ отторженія Душаномъ греческихъ епархій и подчиненія ихъ печскому патріарху. Если первая причина—„самочинное“ учрежденіе Душаномъ патріаршества—подлежитъ осужденію съ канонической точки зрѣнія, какъ оно тяготило въ свое время и сербскихъ ревнителей благочестія (напр., деспота І. Углешу, старца Исаію, кн. Лазаря и др.) и какъ впослѣдствіи осуждалось самимъ народомъ и сербскими книжниками; то вторая причина, служившая препятствіемъ къ примиренію обѣихъ враждующихъ сторонъ, является отягчающею виною для цареградской патріархіи, которая, пренебрегши установленный въ церковной практикѣ принципъ согласованія церковной организаціи съ политическимъ—гражданскимъ дѣленіемъ странъ и народовъ, требовала себѣ обратно отнятыхъ греческихъ епархій, вошедшихъ въ составъ Душанова царства. Въ этомъ отношеніи цареградская патріархія поступала не такъ, какъ предуказывала ей предшествовавшая практика изъ жизни христіанской церкви (см. прим. 39) въ самой Византіи и какъ—даже на нашихъ глазахъ—она сама выступила съ этимъ историко-каноническимъ оружіемъ противъ требованій болгаръ по вопросу о церковной ихъ независимости, ссылаясь на каноны и практику православной церкви. Извиненіемъ для нея могла бы служить въ данномъ случаѣ ссылка напр. на изгнаніе Душаномъ законныхъ греческихъ епископовъ изъ новоприсоединенныхъ къ Сербіи епархій. Но на это не указывается даже въ вышеупомянутыхъ греческихъ документахъ (напр., въ граматѣ патр. Филоѳея и др.) о примиреніи сербской церкви съ цареградской патріархіей. А затѣмъ и самый фактъ изгнанія греческихъ епископовъ, вѣроятно, мотивировался мѣстною сербскою государственною властію, какъ мѣра чрезвычайная, потребная въ интересахъ спокойствія и мира не

только государства, но и церкви, такъ что съ точки зрѣнія канонической можетъ быть и трудно было патріархіи серьезно возражать противъ государственной ея необходимости, или—по крайней мѣрѣ—цѣлесообразности.

Поэтому, возвращаясь къ факту переговоровъ сербовъ о примиреніи съ цареградскою патріархіею, не трудно видѣть въ поведеніи первыхъ замѣчательное славянско-христіанское самоотверженіе, а не измѣну „національному дѣлу“, какъ по меньшей мѣрѣ неосторожно представляютъ это нѣкоторые сербскіе историки—ультрапатріоты [42]), самоотверженіе, подсказанное христіанскою любовію, жертвующее нѣкоторою новоприобрѣтенною территоріею греческихъ епархій въ пользу церковной власти цареградскаго патріарха; духовная жажда быть въ общеніи съ своею „матерью“—церковію побѣдила въ нихъ разсчеты политическіе и плодомъ ихъ уступчивости было возстановленіе церковнаго мира, столь обрадовавшаго сербскій народъ, успокоившаго его томившуюся христіанскую совѣсть и внушавшаго ему въ свою очередь столько христіанскаго мужества, что онъ не только не погибъ совсѣмъ на роковомъ Косовомъ полѣ, но, мужественно встрѣтивъ это несчастіе, въ источникѣ своихъ мученическихъ слезъ и страданій, при свѣтѣ и утѣшеніи благодатныхъ даровъ Христовой церкви, черпалъ духовныя силы и для борьбы съ „невѣрными“ тиранами, и для своего будущаго духовнаго и политическаго воскресенія. И упованіе не посрамило сербовъ, даже послѣ того, какъ получившая въ 1375 г. „благословеніе“ печская патріархія была уничтожена цареградскимъ патріархомъ Самуиломъ I въ 1766 г., не смотря на протестъ сербскихъ епископовъ уничтоженнаго патріархата и желаніе ихъ скорѣе находиться подъ высшею церковною юрисдикціею русскаго Святѣйшаго Сунода, подъ непосредственнымъ только управленіемъ своего „архіепископа“ [43]). Я думаю, что фактъ примиренія сербовъ съ цареградскою патріархіею имѣлъ для нихъ въ указанномъ отношеніи весьма существенное значеніе: не состоись это примиреніе до турецкаго ига и оставайся сербская церковь внѣ духовной связи съ вселенскою церковію въ это и послѣдующее время, можетъ быть и судьба сербскаго народа была бы другая, чѣмъ представляетъ его намъ исторія и современное его состояніе.

Не было ли бы и съ сербами бывшаго Душанова царства того же, что случилось, напр., съ болгарскими еретиками—богомилами (напр., во Ѳракіи) и сербскими патаренами (въ Босніи, Герцеговинѣ и пр.), а также и съ латинянами въ разныхъ частяхъ Балканскаго полуострова, которые—въ особенности первые—во время турецкаго ига перешли въ исламъ и сдѣлались врагами своихъ единоплеменниковъ, сохраняя однако и до сихъ поръ свой природный языкъ и обычаи [44]). Въ самомъ дѣлѣ, факты эти примѣчательны и они наглядно доказываютъ между прочимъ огромное значеніе состоявшагося между сербами и цареградской патріархіей примиренія не только въ церковномъ, но и національно-политическомъ отношеніи—въ историческихъ судьбахъ сербскаго народа.

Итакъ „самочинный“ поступокъ Душана относительно учрежденія патріаршества вызвалъ послѣдствія отлученія сербской церкви и народа отъ общенія съ цареградскою патріархіею, а—по толкованію старыхъ сербскихъ книжниковъ—и несчастія, обрушившіяся на царство Душана тотчасъ послѣ его смерти; поступокъ же христіанскаго смиренія, проявленный благочестивымъ деспотомъ І. Углешею, старцемъ Исаіею, св. кн. Лазаремъ и многочисленными ихъ единомышленниками, низвелъ благословеніе на сербскую церковь и народъ и принесъ съ собою неисчислимыя блага церковнаго мира со всѣми благодѣтельными послѣдствіями въ историческихъ судьбахъ народа. Имѣя это въ виду, а также и вышеуказанный фактъ каноническаго учрежденія св. Саввою сербской архіепископіи, не трудно понять или опредѣлить нормальное отношеніе къ современному вопросу о возстановленіи сербской патріархіи, о чемъ разсуждаютъ нѣкоторые сербскіе патріоты и даже ученые. Конечно, само по себѣ невинное и можетъ быть весьма полезное для мѣстныхъ нуждъ сербской церкви стремленіе къ возстановленію патріаршества, не заключаетъ ничего антиканоническаго въ самомъ требованіи его возстановленія, но при соблюденіи только нѣкоторыхъ условій, требуемыхъ канонами и установившеюся практикою православной церкви. При этомъ конечно не исключаются и народно-государственныя нужды сербовъ, съ которыми можетъ сообразоваться церковная организація. Но народно-политическій мотивъ при этомъ не можетъ быть

рѣшающимъ: вторженіе политиканства въ сферу церкви противорѣчитъ ея каноническимъ устоямъ и можетъ навлечь на нее послѣдствія, испытанныя, напр., Душаномъ и Сербіею его и ближайшаго послѣ него времени. Не преступно слѣд. требованіе сербами патріаршества, наприм., въ предѣлахъ Королевства, но не безопасна для мира церкви попытка дѣйствовать чрезъ это, въ интересахъ національно-объединительныхъ, на заграничное сербское населеніе, напр. въ Турецкой имперіи, именно—въ Старой Сербіи и Македоніи и др. Удовлетвореніе же религіозныхъ нуждъ, равно и поддержка національныхъ интересовъ сербскаго населенія въ этихъ турецкихъ провинціяхъ, о чемъ можетъ быть справедливо должны имѣть попеченіе сербскіе патріоты, могутъ быть достигнуты и безъ антиканоническаго расторженія церковно-административной его связи съ существующимъ законнымъ церковно-административнымъ центромъ, а въ согласіи и христіанской любви съ послѣднимъ—въ виду тѣхъ особенныхъ религіозно-національныхъ нуждъ и интересовъ мѣстнаго христіанскаго населенія, для спасенія которыхъ и возбуждается вопросъ о высшей сербской іерархіи и даже возстановленіи печской патріархіи въ Турціи. При этомъ не слѣдуетъ увлекаться тѣмъ, что говорятъ, напр., нѣкоторые новѣйшіе сербскіе историки-патріоты, когда, идеализируя эпоху Душана и превознося въ частности его поступокъ провозглашенія патріаршества, въ тоже время считаютъ измѣнниками національному знамени тѣхъ, кто ратовалъ послѣ него за примиреніе сербской церкви съ цареградскою патріархіей [41]), кто искалъ духовнаго мира и любви для уврачеванія старыхъ недуговъ взаимной вражды между греками и сербами въ виду надвигавшейся общей для нихъ грозы со стороны турокъ, а затѣмъ и въ виду недоброжелательства къ нимъ со стороны латинскаго запада. Вѣрно ли это сужденіе,—исторія дала объ этомъ свой правдивый и нелицепріятный судъ, судъ, высказанный не только старыми сербскими книжниками, но и народомъ, который и свои несчастія отъ турецкаго нашествія приписалъ „анаѳемѣ“, а духовное утѣшеніе въ этихъ несчастіяхъ нашелъ въ примиряющей христіанской любви. Мнѣ кажется, что авторъ краткаго сказанія о поставленіи (послѣ снятія „анаѳемы“) патр. Ефрема вѣрно выражаетъ не свое только воззрѣніе, но и

настроеніе народа, когда говоритъ: „и бываетъ патріархія Коньстаньтина града съ срьбьскомь патріарьхіомь вь любьви и съмирении и вь єдиньствѣ, такоже заповѣдь Христова пишеть: по томь познають вы аште ученици мои єсте, аште имате любовь междоу собою“. Вотъ тотъ принципъ христіанской любви, который долженъ управлять новѣйшими вожделѣніями сербскихъ патріотовъ на счетъ патріаршества вообще и формы его возстановленія въ частности въ предѣлахъ Турціи. Если голосъ и судъ исторіи имѣетъ какое-нибудь назидательно-практическое значеніе, кромѣ историческаго, то и въ данномъ случаѣ необходимо прислушиваться къ этому суду, приговоръ котораго достаточно поучительно иллюстрируется въ вышеприведенныхъ историческихъ фактахъ учрежденія сербской архіепископіи и патріаршества въ древней Сербіи, а также въ исторіи новѣйшей Сербіи—каноническими дѣйствіями ея высшей іерархіи въ согласіи съ правительствомъ относительно учрежденія сперва полунезависимой сербской архіепископіи—митрополіи еще въ вассальномъ Сербскомъ княжествѣ, а впослѣдствіи—относительно установленія полной ея автокефаліи въ 1879 г., послѣ окончательнаго уже освобожденія Сербіи и достиженія ею полной политической независимости [46]). Слѣдовательно, точное знакомство сербовъ съ своею исторіею можетъ указать имъ правильную точку зрѣнія на рѣшеніе церковныхъ и даже національныхъ вопросовъ ихъ соплеменниковъ въ порабощенныхъ краяхъ Турціи, а живые свидѣтели и дѣятели недавняго прошлаго изъ высшей сербской іерархіи и благочестивой паствы, въ числѣ ихъ особенно-испытанный и бдительный стражъ церковныхъ каноновъ, настоящій предстоятель сербской церкви королевства Сербіи, высокопреосвященный митрополитъ Михаилъ, съумѣютъ конечно согласовать теперешнее національное возбужденіе сербства какъ въ предѣлахъ Королевства, такъ и внѣ его—въ частности въ Старой Сербіи и Македоніи—съ требованіями каноновъ церковныхъ и примѣрами церковно-исторической практики, подъ свѣжимъ еще къ тому же вліяніемъ недавняго факта церковно-канонической провозглашенія сербской церкви независимою, съ благословенія цареградской церкви, отъ которой она доселѣ (т. е. до 1879 г.) оставалась въ нѣкоторой канонической зависимости.

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1]) Такъ, напр., на одномъ изъ митинговъ сербо-македонцевъ, бывшемъ въ Бѣлградѣ въ іюлѣ истекшаго 1890 года, постановлены были слѣдующія резолюціи, внесенныя въ тексты адресовъ: «турецкому султану», «русскому царю» и «вселенскому патріарху»: 1) Въ Македоніи и Старой Сербіи живутъ сербы, чему доказательствомъ служитъ «слава», сербскія народныя пѣсни, народные обычаи и языкъ; 2) назначеніе въ Македонію и Старую Сербію болгарскихъ епископовъ есть аттентатъ противъ сербской народности въ этихъ чисто сербскихъ краяхъ, ибо «экзархія» (т. е. болгарская)—чисто политическое установленіе и чрезъ свое духовенство она дѣйствуетъ въ интересахъ пропаганды болгаризма въ сербскихъ краяхъ, въ то время, какъ сербы не имѣютъ въ Македоніи и Старой Сербіи своихъ епископовъ и священниковъ, которые могли бы охранять сербскій элементъ отъ (чуждой) пропаганды; 3) слѣдуетъ поэтому обратиться къ султану съ просьбою объ устраненіи изъ тѣхъ краевъ болгарскихъ епископовъ и о дозволеніи назначить туда сербскихъ епископовъ и священниковъ; слѣдуетъ обратиться съ просьбою къ русскому царю о защитѣ справедливаго дѣла сербскаго элемента въ тѣхъ краяхъ отъ болгаризма; слѣдуетъ изъявить благодарность и вселенскому патріарху за его протестъ противъ назначенія болгарскихъ епископовъ въ Македонію и Старую Сербію и просить его и далѣе защищать справедливое дѣло православной церкви въ упомянутыхъ сербскихъ краяхъ отъ болгарской «схизмы». См. подл. напр. въ сербской газ. «Дрина» (№ 198, за 23 іюля 1890 г.), въ которой напечатаны и тексты упомянутыхъ адресовъ—по сербски: «Его Величеству султану Абдулъ-Гамиду II», «Его Императорскому Величеству Царю Русскому Александру III» и «Его Святѣйшеству вселенскому патріарху».

[2]) «Слав. Извѣстія» 1890 г., № 31 (5 августа), стр. 560 и слѣд.

[3]) Въ адресѣ къ «вселенскому патріарху», кромѣ благодарности за его протестъ противъ назначенія въ Македонію болгарскихъ епископовъ и за его слѣд. косвенную защиту сербскаго населенія въ этой именно и сосѣдней съ нею турецкой провинціи—Старой Сербіи, говорится между прочимъ слѣдующее: «Одновременно собраніе проситъ его святѣйшество и впредь не оставлять своихъ вѣрныхъ сыновъ, но для лучшей защиты отъ схизматической пропаганды послать къ нимъ епископовъ сербской національности, которые, оставаясь вѣрными патріарху, а по происхожденію будучи единоплеменными съ народомъ, могли бы съ нимъ заодно искренно и истинно служить единой святой православной церкви». «Дрина», № 198, за 23 іюля 1890 г.

[4]) Dr. Emilian von Radics, Ein Kampf um's Recht. Beitrag zur Lösung der orthodoxen Kirchenfrage in Bosnien-Herzegovina (Prag 1879); Др. архим. (теперь еп.) Никодим Милаш,

Канонско начело православне цркве при разредјењу црквених власти. К питању о јерархичком пололожају сарајевске митрополије (Задар. 1884). Таже мысль о правахъ высшей церковной юрисдикціи карловицкаго митрополита—архіепископа надъ Босніею и Герцеговиною, послѣ оккупированія ихъ Австро-Угріею, была высказываема и другими сербскими писателями. См. напр. указанія въ ст. В. С. Д.: «Ко је наследник српске петьске патријаршије и коме за данас по праву припада врховно право над сарајевском православном митрополијом?» (напеч. въ изд. «Гласник српскога ученог друштва» кн. LXII, 1885 г., стр. 125—171). Нынѣшніе сремско-карловицкіе архіепископы-митрополиты, носящіе иногда персонально титулъ и патріарховъ, наслѣдство свое на печскую патріархію могутъ обосновывать—какъ и дѣлаютъ это защитники ихъ историческихъ (?) правъ—на преемствѣ своей власти отъ печскихъ патріарховъ, переселившихся въ предѣлы Австро-Угріи въ концѣ XVII в. (Арсенія III Черноевича) и въ началѣ XVIII в. (Арсенія IV Іоанновича Шакабента). См. другія основанія и доказательства въ цит. соч. упомянутыхъ авторовъ.

[5]) Чтобы выразить мысль точнѣе и полнѣе, приведемъ здѣсь заключительныя слова («предлог») автора вышеуказанной статьи—«Ко је наследник» и пр. «Такъ какъ, говоритъ авторъ, св. Савва, учредитель сербской архіепископіи и іерархіи, перенесъ ея центръ въ Жичу, такъ какъ Первовѣнчанный король Стєфанъ утвердилъ, чтобы въ Жичѣ поставлялись сербскіе архіепископы; такъ какъ Жича во все время—до учрежденія сербской патріархіи, хотя бы въ ней постоянно и не пребывали архіепископы, называлась «великою архіепископіею», а послѣ учрежденія патріархата «домъ Спасовъ (т. е. Жича) православная патріархія отечества нашего» (т. е. сербскаго), и только со времени князя Лазаря, когда сербская держава стала падать, сербская патріархія получила наименованіе «печской патріархіи»: то предлагаемъ, чтобы въ королевствѣ Сербскомъ архіепископія и митрополія бѣлградская наименована была «архіепископіею жичскою и патріархіею сербскою», а архіепископъ и митрополитъ бѣлградскій—архіепископомъ жичскимъ и патріархомъ сербскимъ, и чтобы Жича обновлена была для того, чтобы въ ней могъ имѣть мѣстопребываніе свое архіепископъ и патріархъ. Въ нее слѣдовало бы перенести и «богословію», устроить въ ней типографію, печатать въ ней церковныя книги и богословскія сочиненія, словомъ—Жича должна бы быть тѣмъ, чѣмъ былъ во время Душана Хиландарь, т. е. центромъ церковной учености и литературы». Далѣе авторъ говоритъ, что, принимая во вниманіе тѣ соображенія, какія «руководили Душаномъ» при учрежденіи сербской патріархіи,—«потому и рекомендуемъ сербскому правительству въ Бѣлградѣ, чтобы и оно обдумало лучше, какъ полезно было бы учрежденіе сербской патріархіи въ королевствѣ Сербскомъ—тамъ, гдѣ она дѣйствительно и возникла». «Если кто именно, то сербскій только архіепископъ въ королевствѣ Сербскомъ можетъ и долженъ быть наслѣдникомъ печскаго сербскаго патріархата, а чтобы достигнуть этого, необходимо избрать правильный и законный путь, т. е. необходимо обратиться къ цареградскому патріарху и у него

просить, чтобы онъ съ св. синодомъ постановилъ рѣшеніе объ отмѣнѣ опредѣленія св. синода отъ 1766 года касательно уничтоженія и присоединенія печской сербской патріархіи къ цареградской патріархіи и далъ согласіе на то, чтобы сербская архіепископія и митрополія въ Бѣлградѣ возвышена была на степень сербской патріархіи, и этимъ бы окончательно рѣшенъ былъ вопросъ о томъ: Кто наслѣдникъ печской сербской патріархіи?» Гласник, кн. LXII, стр. 170—1.

[6]) Такъ, бывшія епархіи печскаго патріархата (предъ его уничтоженіемъ въ 1766 г.) находятся теперь—кромѣ Сербіи—еще въ предѣлахъ Турціи (нѣсколько епархій, даже Печь или Ипекъ—самая епархія бывшаго печскаго патріарха была присоединена въ 1766 г., послѣ уничтоженія патріархіи, къ митрополіи призрѣнской), слѣд. — подъ высшею церковною властію цареградскаго патріарха, въ Босніи и Герцеговинѣ (напр. бывшія епархіи—дабро-боснійская, герцеговинская, зворникская, милешевская и др.)—также подъ высшею теперь каноническою властію цареградскаго патріарха, въ Черногоріи (зетская или черногорская теперь въ вѣдѣніи самостоятельнаго черногорскаго митрополита),—даже отчасти въ нын. кн. Болгаріи (самоковская, кюстендильская и др.), входящія въ составъ болгарскаго экзархата. Ср. о бывшихъ епархіяхъ печскаго патріархата у Голубинскаго «Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей—болгарской, сербской и румынской» (Москва 1871), стр. 490—502, 570—3, 581—5, 602 и слѣд.

[7]) Напр. въ древней Расѣ, близь нын. г. Новаго Пазара на р. Рашкѣ, впад. въ р. Ибаръ.

[8]) Главный источникъ свѣдѣній о жизни и дѣятельности св. Саввы, въ частности—по вопросу объ учрежденіи имъ архіепископіи представляютъ два его житія—одно, написанное ученикомъ его хиландарскимъ іеромонахомъ Дометіаномъ (XIII в.) и напечатанное сербскимъ ученымъ Даничичемъ, вмѣстѣ съ житіемъ св. Симеона, подъ заглавіемъ—«Живот светога Симеуна и светога Саве, у Биограду 1865 г.»; а другое, написанное—опредѣленно неизвѣстно кѣмъ (вѣроятно въ XIV в. хиландарцемъ Ѳеодосіемъ, передѣлавшимъ житіе Дометіаново *на основаніи слышаннаго отъ какого-то* изъ учениковъ св. Саввы, см. предисловіе Даничича къ изд. 1865 г., стр. IX и слѣд., а у Голубинскаго въ цит. соч. стр. 505 — составл. хиландарцемъ Ѳеодоромъ Грамматикомъ; у Сретьковича же въ его соч. «Историја српскога народа. Београд 1888», кн. II, стр. 956—7, авторство обоихъ житій—кажется не совсѣмъ твердо—усвояется неизвѣстному Ѳеодосію (?), трудъ (?) котораго «переписалъ» и «пополнилъ историческими фактами» преп. Дометіанъ) и напечатанное Даничичемъ въ 1860 г. подъ заглавіемъ—«Живот светога Саве». Кромѣ того, источниками свѣдѣній по разсматриваемому нами вопросу могутъ служить отчасти напр.: житія св. Симеона, напис. Стефаномъ Первовѣнчаннымъ, самимъ св. Саввою (XIII в.), сербскія лѣтописи, напеч. (какъ и только что упомянутыя житія) Шафарикомъ въ «Památky dřevního písemnictví Jihoslovanův. V Praze 1873» (2-е изд.), также въ изд. «Гласник српског ученог друштва» кн. I, V, X, XI, XXI, XXXII

XXXV и др. Ср. «Српски Родослови и Летописи»—(сводъ, сдѣланный Л. Стояновичемъ) въ «Гласникѣ», кн. LIII (1883 г.); и др.

[9]) Вообще въ жизни св. Саввы, не только въ его многоплодной церковно-административной дѣятельности, но и въ иноческомъ уединеніи для аскетическихъ подвиговъ, съ христіанскою ревностію о собственномъ спасеніи и спасеніи другихъ, въ частности своихъ соотечественниковъ, неразрывно соединялась любовь его къ «отечеству», забота о его счастіи и «спасеніи». Поэтому въ житіяхъ св. Саввы неоднократно влагаются въ его уста напр. слѣдующія характерныя слова: «да образъ боудоу отьчьствоу моіємоу и вьсѣмь любештимь іѥго». См. «Живот светога Саве», изд. 1865, стр. 123.

[10]) Для выясненія и фактической провѣрки выводовъ относительно учрежденія сербской архіепископіи св. Саввою, приводимъ текстъ житійныхъ сказаній объ этомъ. «Прѣбываюштоу же богоносьномоу кирь Савѣ въ Светѣи Горѣ вь роукотвореннѣмь іѥмоу манастири, и Богомь наставлмѥмь, богоразоумьныи сьвѣть приѥмь вь срьдьци си, и подвигь се иде на вьстокь къ сватоу си цароградьскомоу царю кирь Теодороу, рекомомоу Ласкароу. и приѥть бысть царемь съ чьстию великою ако по подобію светыихь, вѣдѣше бо іѥште не прьва изь млада вь свештении вьспитана и до коньца мира отьлоучьша се, и по истинѣ Бога вьзлюбивьша, и слоужешта іѥмоу по подобію светыихь, и того ради прѣизлиха люблмаше и тьи благовѣрьныи царь, желаіѥ како бы причестьникь быль светыни іѥго. И многыіѥ дьни царю дрьжештоу іѥго оу себе, и исправивь работы манастирьскыіѥ богоносьныи, и потомь приложи слово рещти къ царю о земли своіѥго отьчьства, рекь: скрьбьно и печално ми іѥсть, царю, заніѥ не имаіѥть ми земля своіѥго арьхиіѥпископа; паче же и земліѥ многыіѥ соуть окрьсть отьчьства ми вь области дрьжавы нашеіѥ, нь не достигноутьсоуть исправліѥніѥмь божьствьныимь, да хотѣль быхь да повели великоіѥ ти царьство патриарьхоу, да ми освети арьхиіѥпископа іѥдиного отъ братиіѥ моіѥіѥ соуштеіѥ съ мною, да си га имать земля отьчьства ми на освештеніѥ си, и дрьжава великааго ти царьства тѣмь да величаіѥть се. Царь же отьвѣштавь прѣподобьномоу, рече: съ великою радостию богосьвѣтьноіѥ и богомысльноіѥ прошеніѥ да испльню ти, Богоу волештоу, и хоштоу да виждоу того, іѥго же благоволи светаа доуша твоа на светительство то. И призвани быше братиа прѣдь цара соуштии съ прѣподобьныимь, и ни о іѥдиномь же ихь благоволившоу царю, и рече къ прѣподобьномоу царь: ако ни іѥдинь оть тѣхь нѣсть подобьнь толикои светыни развѣ твоіѥго прѣподобиа и свѣтлости ти богодарьныіѥ. Прѣподобьныи же отьвѣштавь рече: ако ни азь нѣсмь достоинь того степене. Царь же рече: іѥште прѣжде твоіѥго пришьствиа извѣштеніѥ имамь, ако твоіѥи светыни съпрѣстольникоу быти апостольскааго сѣданиа и тебе достоина Богь ми показаль іѥсть, да не прѣрѣкоуи. И прѣподобьныи же рече: мнѣ на то не готовившоу се, гдѣ да обрѣштоу толикь

ѥксодь и толикы потрѣбы, ієже трѣбоуіѥть законь црьковьныи? Царь же рече: вьсе оть полаты царьства ми да поставлю, ієже ієсть на потрѣбоу твоіѥи светыни, толико не прѣкослови светааго Доуха благодѣти, не достоино ти ієсть противити се Божию повелѣнию, извѣштено бо ми ієсть светыимь Доухомь, и Богомь пороучено ти ієсть стадо отьчьства твоіѥго, за нїѥ инь никьто не можеть поболѣти о стадѣ твоіѥмь ѩкоже ты истиньныи пастырь. Много же отежештоу се прѣподобьномоу оть сана того, и не може прѣслоушати Божиѩ повелѣниѩ и царева, и рекьшоу іємоу: боуди волѩ Господьня, повѣда же царь патриарьхоу вьса ѩже о прѣподобьнѣмь и о земли отьчьства ієго, и сьвѣть Божиѩ приіѥмь чьстьныи патриарьхь Гіерьмань и царевь, ѩко томоу быти по воли Божиіѥи и царевѣ, и бывшоу дьни нарочитоу, и облькьшоу се патриарьхоу по чиноу великыіѥ вьселіѥньскыіѥ црькьвесь многыими митрополиты и іѥпископы и сь поповы и диѧконы, и приведень бысть и сии прѣподобьныи кирь Сава на освештенїѥ, и поставлїѥнь бысть архіепископомь роукою вьсеосвештенаааго патриарьха вьселіѥньскааго Гіерьмана и повелѣнїѥмь цароградьскааго цара кирь Теодора Ласкара... Благовѣрьныи же царь сьтвори праздьникь вь ть дьнь вь име нарекь новоосвештенаааго арьхиепископа кирь Савы, трьжьствоуіѥ радостьно, прѣизобильно вьсего доволѧ подавь вьсемоу народоу, чьстнааго же патриарьха великыими дарьми почьте, митрополиты же и іѥпископы соуштеіѥ сь нимь и попы и диѧконы, вьсь клирось по законоу, ѩкоже имать великаѧ патриарьхиѧ вьселіѥньскаѧ, царь же не тькьмо законьноіѥ пода, нь и прѣвыше противоу чьсти великааго си царьства и сего дѣла многолюбовьнаго си свата, и многоу же златоу раздаиіѧ царь сьтвори вь ть дьнь вьсе оть полаты своіѥіѥ»... «Живот светога Саве», изд. 1865 г., стр. 217—19. Съ вышеприведеннымъ разсказомъ Дометіанова житія св. Саввы сходенъ въ сущности и разсказъ другаго житія, списаннаго съ нѣкоторыми распространеніями или сокращеніями Ѳеодосіемъ. Ср. «Живот светога Саве», изд. 1860, стр. 126—9. Не излишне, однако, данными послѣдняго житія дополнить здѣсь разсказъ перваго (о побужденіяхъ, заставившихъ св. Савву просить для своей страны архіепископа): «На Бога же оупованіе положь, и пристоупль къ цароу, глаголіѧть: ѩко вьсѣмь и намь Богъ спасенїю хоте, ѿть земліѥ людіи нашихь зловѣрїа ересь ѿтьцемь моимь и нами ѿтьгнана бысть, и православїа вѣра възрастаеть и множит се, единѣм же недостатьчьствоуемь, имже своего архіепископа не имамы, вь земли нашеи еже освештати и оучити ѡ Господи. сего ради паче молимь... еже о сихь полоучити прошеніе...» и пр., стр. 126.

[11]) Стефанъ Неманя, собиратель сербскихъ земель и основатель сербскаго государства, получивъ власть въ свои руки, ревностно заботился о распространеніи въ странѣ православія; въ частности заботился объ искорененіи язычества и «ересей», не только созывалъ противъ нихъ соборы—именно: «своего архіерея Евѳимія, черницевъ съ игуменами, честныхъ іереевъ, старцевъ и вельможъ», но и предпринималъ противъ нихъ рѣшительныя мѣры преслѣдованія, «ѩкоже иногда пророкь Илиа, на бестоудныіѥ иіереіѥ въставь, и обличи безбожьст-

выѣ ихъ, и овы нихъ иждеже, и дроугыхъ казньми различными показа, иныхъ оземльствии отъ владычьствиа своѥго, и домове ихъ и имѣниа ихъ вьсе съвькоупивь, раздаа прокаженьнымъ и нищиимъ. оучителю же и начельникоу ихъ ѥзыкъ оурѣза оу грьтани ѥго, неисповѣдающи Христа Сына Божиа, и книгы ѥго нечьстивыиѥ иждегь, и того въ изьгнаниѥ сътвории, запрѣщь неисповѣдати ни поменовати отьноудь трьклетаго имене. и отьноудь искорѣнии проклетоую тоу вѣроу, ꙗкоже ни поменовати се ѥи отьноудь въ владычьствѣ ѥго, нь славити се ѥдиносоущьнѣи и нераздѣльнѣи и животворещеи Троици...» и т. д. Житіе св. Симеона (пис. Стефаномъ Первов.) у Шафарика въ «Památky», стр. 7—8. Ср. о томъ же выше, въ 10 прим. изъ житія св. Саввы, изд. 1860 г.

[12]) Годъ посвященія и поставленія Саввы въ архіепископа съ точностію не опредѣляется въ его житіяхъ, не указывается согласно и въ лѣтописяхъ сербскихъ, равно и въ другихъ источникахъ, касающихся даннаго вопроса. Поэтому приходится до сихъ поръ довольствоваться только болѣе и менѣе вѣроятными или приблизительными хронологическими вычисленіями, ключъ къ которымъ нужно искать, однако, въ упомянутыхъ источникахъ. По житію, пис. Дометіаномъ, св. Савва оставался на архіепископской каѳедрѣ 14 лѣтъ («владычьствовавь въ чиноу светительства того, и добрѣ послоуживь Господеви своѥмоу Д[illegible] лѣть...», изд. 1865 г., стр. 295), поставивъ своимъ преемникомъ ученика Арсенія I («оутвръдивь ѥго на вьсемь чиноу своѥго прѣосвѣщтеньства, и вьсакыимь благословениѥмь благословивь и, и посадивь ѥго на прѣстолѣ своѥмь»...) — точно неизвѣстно въ какомъ году. Но, имѣя въ виду показанія нѣкоторыхъ источниковъ (такъ, напр., «Животи кральева и архиепископа српских», изд. Даничичемъ въ Загребѣ 1866 г., или иначе—«Родослова» стр. 272), что архіепископъ Арсеній оставался на своей каѳедрѣ 30 лѣтъ и скончался 28 октября приблизителсно 1263 г. (такъ какъ въ Дометіановомъ житіи св. Симеона—въ мірѣ Стефана Немани подъ 6772 г. значится уже преемникъ св. Арсенія — Савва II; а у Калайдовича «Іоаннъ экзархъ Болгарскій», въ «приложеніи» изъ рук. Шестоднева, стр. 164, Арсеній представляется еще живымъ въ 6771 году),—можно съ вѣроятностію полагать, что годъ кончины архіепископа Арсенія падаетъ на 1263 или даже 1264 г. Отсюда, отсчитавъ 30 лѣтъ архіепископствованія св. Арсенія и 14 лѣтъ архіепископствованія св. Саввы, мы подойдемъ къ 1219 или 1220 г. — году поставленія Саввы въ архіепископа. А, между тѣмъ, въ житіяхъ св. Саввы ясно указывается, что онъ поставленъ въ архіепископа при патріархѣ цареградскомъ Германѣ II (1222—1240 гг.) и въ царствованіе императора греческаго Ѳеодора I Ласкариса (ум. въ 1222 году); слѣдовательно, поставленіе его въ архіепископа, можетъ быть, относимо къ концу 1221 г. или 1222 году. Проф. Голубинскій (см. Краткій очеркъ исторіи прав. церквей—болг., серб. и рум., ср. 452 и 554—5 стр.), отдаетъ предпочтеніе первой датѣ (съ нѣкоторыми измѣненіями, чѣмъ какъ у насъ,—напр., время кончины архіепископа Арсенія на основаніи тѣхъ же источниковъ онъ отодвигаетъ назадъ даже къ 1262 или 1263 году, а потому и годъ поставленія св. Саввы въ архіепископа

принимаетъ 1218 или 1219 г.). Эту дату, по основаніямъ, высказаннымъ проф. Голубинскимъ, принимаютъ и нѣкоторые другіе историки-писатели, между прочимъ, сербскіе, напр.: Н. Ружичичъ («Кратки историјски преглед узајмних отношаја између српске и грчко-цариградске цркве и нихових представителја од првог времена ниховог познаванја, па до данас. У Београду 1875»); Пант. Сретьковичъ («Историја српскога народа, кн. II. Београд 1888 г.») и др. Конечно, хронологія начала патріаршествованія Германа II не согласуется съ тѣми хронологическими указаніями, которыя располагаютъ къ принятію 1219 года—какъ года поставленія Саввы въ архіепископа. Но, имѣя въ виду, съ одной стороны, неточности—въ частности—въ хронологіи патріаршествованія цареградскихъ патріарховъ, можетъ быть, слѣдовательно, и патр. Германа II, а съ другой происхожденіе Дометіанова житія (написаннаго ученикомъ св. Саввы, слѣдовательно, хорошо знавшимъ описываемыя подробности), нельзя отвергать и второй даты — поставленія Саввы въ архіепископа въ 1221 или 1222 году, хотя бы съ этимъ и не согласовались указанія, напр., Райнальда («Annales Ecclesiastici») на посольство сербскаго государя къ папѣ Гонорію въ 1220 г.—уже послѣ поставленія Саввы въ архіепископа (ср. Голубинскій, цит. соч., стр. 555). Участіе патр. Германа II въ поставленіи Саввы въ архіепископа сербскаго, кромѣ житійныхъ извѣстій, предполагается, повидимому, и тѣмъ историческимъ фактомъ, что при патр. Германѣ состоялось, между прочимъ, «обновленіе болгарскаго терновскаго патріаршества» (1235 г.): склонность его къ уступчивости въ одномъ случаѣ могла имѣть мѣсто и въ другомъ. Г. Сретьковичъ (цит. соч., II, стр. 66, прим. 2) высказываетъ предположеніе, что св. Савва имѣлъ вліяніе при дворѣ болгарскаго царя Іоанна Асѣня II на возбужденіе вопроса объ «обновленіи» самостоятельнаго терновскаго патріаршества. Конечно, это можетъ быть высказано только въ видѣ предположенія (напр., у Сретьковича, на основаніи житія св. Саввы, изд. 1860, стр. 178 и 199), для котораго, однако, нѣтъ положительныхъ данныхъ. Но предположеніе—не невѣроятное въ виду близкихъ и даже родственныхъ отношеній между сербскимъ королевскимъ домомъ и болгарскимъ царемъ Іоанномъ Асѣнемъ II, дочь котораго была въ замужествѣ за племянникомъ св. Саввы—Владиславомъ. Не слѣдуетъ-ли отсюда предположить и то, о чемъ положительно свидѣтельствуютъ житія св. Саввы, именно, что патріархъ Германъ II, который благословилъ послѣ болгарское терновское патріаршество, дѣйствительно посвящалъ Савву въ архіепископа, слѣдовательно, не ранѣе 1221—2 г.? Вотъ предположенія для оправданія второй даты (1221—2 г.)—какъ года посвященія св. Саввы въ санъ архіепископа. Поэтому, нѣкоторые историки—писатели принимаютъ именно эту дату и даже отдаютъ ей предпочтеніе предъ первой, не указывая впрочемъ тѣхъ основаній, которыя, напр., приведены у г. Голубинскаго или выше—у насъ. Ср. напр. у Светозара Никетича («Историјски развитак српске цркве. Београд 1870 г.» стр. 27, — перепеч. изъ «Гласника», кн. XXVII), который, неправильно полагая начало патріаршествованія патр. Германа II въ 1226 г., совершенно отрицаетъ участіе послѣдняго въ актѣ посвященія св. Саввы въ архі-

епископа. Гораздо осторожнѣе и конечно научнѣе выражается проф. Голубинскій, отдавая предпочтеніе первой датѣ: онъ полагаетъ, что настоящія свѣдѣнія о вступленіи на патріаршій престолъ Германа II неудовлетворительны, т. е. можетъ оказаться, что время вступленія его на патріаршій престолъ и, вообще, его патріаршествованіе будетъ совпадать съ болѣе вѣроятнымъ историческимъ моментомъ поставленія Саввы въ архіепископа сербскаго, приблизительно опредѣляемымъ 1218—1219 годами. Но, однако, новыхъ хронологическихъ данныхъ относительно патріаршествованія Германа II до сихъ поръ не представлено учеными; конечно, нѣтъ ихъ и въ новѣйшемъ трудѣ г. Гедеона (М. Γεδεών) «Πατριαρχικοὶ πίνακες» (Ἐν Κωνσταντινουπόλει 1887, τεῦχος ϛ΄) σελ. 383—7.

[13]) «И дрьжааше, т. е. послѣ посвященія Саввы въ святительскій санъ, богоносьнааго оу себе вьсечьстьныи патриарьхь вьсе дьни, ꙗлико прѣбы тоу съ царемь, оувѣштаваꙗ и о божьствьныихь исправлꙗнииихь и о пользѣ доушевьнѣи и о вьсѣхь прѣдложеныихь вьсакыихь образь чина светааго и апостольскааго прѣданиꙗ, и паки ть светыи патриарьхь вельми вьзлюби и, и прѣизлиха обогати сладостьми духовьныими и любовию божьствьною, ризами своими патриарьшьскыими и одѣꙗниꙗмь своимь»—и пр. «почьте ꙗго»... дасть ꙗмоу вьсе потрѣбы прѣосвештенааго чина ꙗго, и стань свои прѣчьстьнѣишии съ вьсакою властию божьствьною, написавь ꙗмоу повелѣниꙗ вь вьсоу вьселꙗноую сице: прѣосвештеныи патриарьхь вьсеꙗ вьселꙗныꙗ Гиѣрьмань поставихь сего кирь Савоу арьхиꙗпископа вьсѣмь срьбьскыимь земльмь и поморьскыимь, и ако сына своего вьзлюблꙗнааго посылаю ꙗго вь вьсоу вьселꙗноую, чьто ꙗсть область моего светительства правовѣрьныꙗ вѣры христиньскыꙗ, да имать область по моꙗмоу образоу надь вьсѣми грады же и земльми, надь митрополиты же и ꙗпископы и попы и диꙗконы по правиломь божьствьныимь, когождо по достоꙗнию и вьсе оучити вь име Отьца и Сына и Светаго Доуха, и ако и мене того вьси да послоушаꙗте, иже ꙗсте о Христѣ правовѣрьни христиꙗне. И испльнь же вьсакого богоразоумиꙗ, и светыимь доухомь прозре послѣди хотештеꙗ быти бѣды и напасти и немоштьнѣишоу силоу на коньць, и разоумѣвь дльготоу великааго поути и многааго злата изданиꙗ и многотрудьноꙗ ходатаиство того светительства, и вьсемоштьною силою Божиею, и Богоу пособьствоующтоу ꙗмоу вьса вьзможнаꙗ имѣꙗ, и испроси благословенииꙗ оть чьстьнааго патриꙗрьха и оть вьсего събора вьселꙗньскааго, ꙗко къ томоу паки не ходити иномоу арьхиꙗпископоу вь вьселꙗноую наосвештениꙗ, нь толико поменованиꙗ ꙗго вь прьвыихь, и самоосвештеноу быти отьчьствоу ꙗго, ꙗкоже и Божиꙗю помоштию самодрьжавьно ꙗсть, по томоужде чиноу и се съвори, ꙗко да ꙗсть обоюдоу беспечално, нь томоу самомоу арьхиꙗпископоу събравшоу се съ съборомь своихь ꙗпископь, и тако освештати имь себѣ арьхиꙗпископа. Приꙗмь оть светаго благосло-

вениіє себѣ и своеієму отьчьствоу... и изиде оть патриѩрьха сь великою чьстию божьствьною... и паки прииде на поклоніениіє кь благовѣрьному царю сватоу си», съ любовію принялъ его царь и отпустилъ съ богатыми дарами... «Живот светога Саве» изд. 1865, стр. 219—221.

[14]) Сходныя съ указанными подробностями данныя другого житія св. Саввы (изд. 1860 г.) представляютъ, однако, нѣкоторыя особенности или частности, которыя необходимо указать для сопоставленія ихъ, напр., съ разсказомъ перваго объ отношеніи греческаго царя и патріарха къ просьбѣ св. Саввы касательно автокефаліи сербской архіепископіи: «Хотештоу же светомоу иже оть Бога нареченныи емоу ждрѣби вь землю отьчьства своего поити, Божіи сьвѣть и разоумь вь срьдьци си пріемь, и разсоудивь труднаа дльгаго поути хожденїа и многаго злата дарованиемь издаанїа, егда же вь цартвоуюшти Константиновь градь приходити и тамо архіепископоу освештати се, кь семоу же и размиріа самодрьжцемь вьсточнымь сь западними и по срѣдѣ ихь нестроенїемь боудоуштее бѣды, и вьдовство црькви недокольствомь еже вь царствоуюшти градь приходити на освештеніе, или пакы по нѣкоеи ненависти цароу и патріарху дрьжати црьковь, сїа вьса скрьбнаа разсоудивь, и ѡть всѣхь сихь свободноу и о Бозѣ самовластноу ничто же обладаемоу вьсточною западноую нашоу црьковь оустроити хоте, вь помошть же молитвами прѣподобнаго си ѡтьца Сїмеона и Бога о семь призвавь, пристоупаеть къ цароу глаголіє: аште Богомь оубѣдимь, сьврьшенноую и милостивноую любовь благоизволивь намь сьтворити помыслиль еси, повелѣніемь твоего царства оть блаженнаго и вьсесветаго ѡтьца вьселієнскаго патріарха благословеніе и повелѣніе оусты и роукою и писаніемь да пріимоу, ꙗко по сихь не приходити сѣмо вь Константинь градь на освештеніе нашемоу архіепископоу, нь тамо своими епископи ѡсвештати се. Царь сыꙗ слышавь, ꙗко прѣмѣни лице свое высѡкааго ради прошеніа, ниже бо патріархоу отьноудь и вьсѣмь благородныимь оугодно помысли се. хотѣхоу бо ѡсвештенство и властию црьковною ꙗко покоривы себѣ сихь, послоушливы же и дарѡносивы имѣти. Многые же ради любве, еже кь светомоу царь имѣаше, срамлꙗше се его, еже неоулоученіемь прошенїа скрьбна его отпоустити, обаче аште и по нужди негодоуюштихь оутоливь, прошеніе светомоу сьврьшаеть». Далѣе говорится о томъ, что патріархъ, по просьбѣ («умоленію») царя, «написалъ благословеніе»— о посвященіи послѣдующихъ архіепископовъ сербскихъ соборомъ мѣстныхъ епископовъ; «рукою и устами» благословилъ Савву и въ лицѣ его будущихъ архіепископовъ—патріархъ со всѣми архіепископами, митрополитами и епископами, и всѣ они подписали грамату (какъ и въ «житіи», изд. 1865 г.), и пр.

[15]) Поселившись въ монастырѣ Филокаль, онъ, т. е. Савва, между прочимъ «книгы многы прѣписа законьныіє о исправлієнии вѣрѣ, ихьже требовааше сьборьнаꙗ ієму црькьви. и вьсе сьтворивь ієже на потрѣбоу светыни іего, и тако подвиже се кь земли отьчьства своієго», и пр. «Живот св. Саве», изд. 1865 г., стр. 227.

[16]) «И тоу (т. е. по прибытіи въ «великоую арьхиієпископию

рекомоую Житьчоу») избра оть оученикь своихь богоразоумьныіє и и многобоіазньныіє и чьстныіє моуже могоуште правити люди по законоу божьствьномоу и по прѣданию светыихь апостоль, и светыихь богоносьныихь отьць оуказаниіа сьблюдати, и осветивь ихь и сьтвори іє іепископы, и расписавь страны отьчьства своіего, и посьла когождо ихь вь іенорию свою по достоіанию, іакоже кого знааше, наоучивь ихь богоподобьнѣ, и прѣдавь имь комоуждо книгы законьныіє» и т. д. «Живот св. Саве», изд. 1865 г., стр. 233. Здѣсь ясно говорится не только объ избраніи св. Саввою епископовъ, но и объ особой новой организаціи сербской церкви. Проф. Голубинскій называетъ восемь епархій, учрежденныхъ св. Саввою (въ соб. Сербіи: существовавшую ранѣе—рашскую, хвостенскую иначе студеницкую, топлицкую, моравскую или моравицкую, дебрьскую; въ Зетѣ или Дуклѣ—зетскую и будимльскую, въ Захолміи—поздн. Герцеговинѣ—холмскую или захолмскую, кромѣ архіепископской каѳедры въ Жичѣ (См. Краткій очеркъ исторіи прав. церквей, стр. 460 и слѣд.). А между тѣмъ г. Сретьковичъ (цит. соч. II, стр. 96 и слѣд.), на основаніи лѣтописей сравнительно поздняго происхожденія (см. лѣтописи: въ «Гласникѣ» I, 164; V, 37, XI, 46; ср. изд. Шафарика «Památky dřevnihoeck pisemnictvi Jihoslovanův», стр. 59 и 69), по которымъ число открытыхъ св. Саввою епархій было 12, называетъ ихъ однако 11, кромѣ архіепископіи жичской, прибавляя къ поименованнымъ у г. Голубинскаго еще слѣдующія: призрѣнскую, грачаницкую, браничевскую и бѣлградскую, соединяя однако вмѣстѣ рашскую и будимльскую. Замѣчаніе Голубинскаго (стр. 558) о позднѣйшемъ происхожденіи другихъ—кромѣ поименованныхъ у него 8 епархій—не опровергнуто Сретьковичемъ.

[17]) Вопросъ объ отношеніяхъ учрежденной св. Саввою архіепископіи къ цареградскому патріарху, не смотря на ясно выраженную въ Дометіановомъ житіи св. Саввы формулу этихъ отношеній—«съ поменованіемъ» въ сербской церкви только имени цареградскаго патріарха «вь прьвыихь», служитъ однако предметомъ спора или точнѣе—недоразумѣній между нѣкоторыми учеными. Проф. Флоринскій (въ соч. «Южные славяне и Византія во второй четверти XIV вѣка», Спб. 1882 г., вып. II, стр. 128—9. Ср. его же соч. «Памятники законодательной дѣятельности Душана, царя сербовъ и грековъ» Кіевъ 1888 г., введенія стр. 14—15) говоритъ между прочимъ, что «въ Сербіи патріаршество было учреждено, какъ выражается сербскій лѣтописецъ (см. ниже) «безчинно» и «не по закону», т. е. безъ участія и согласія не только восточныхъ патріарховъ, но и цареградскаго, которому принадлежала высшая власть надъ сербскою церковью. Это послѣднее замѣчаніе и подало поводъ г. Сретьковичу (цит. соч. II, стр. 517, прим. 1-е) высказать слѣдующее возраженіе: «Цареградскій патріархъ не имѣлъ высшей власти надъ Сербіею, какъ равно не имѣлъ подобной же власти надъ архіепископіей охридской или надъ патріархіей терновской. Терновскаго болгарскаго патріарха призналъ никейскій патріархъ въ Лампсакѣ въ 1235 году. Точно также никейскій патріархъ и никейскій царь признали сербскаго архіепископа... Савва хиротонисоуеть се своеи србьскые земліє... и брата своіего помазавь кралієвствомь... онъ поставляетъ

епископовъ (владыкъ) и т. д.» Очевидно, въ возраженіи г. Сретковича заключается нѣкоторое недоразумѣніе, стоящее въ противорѣчіи съ вышеуказанными правами, уступленными цареградскимъ патріархомъ св. Саввѣ при поставленіи его въ архіепископа: поминовеніе сербскими архіепископами цареградскихъ патріарховъ «въ прьвыихъ», по крайней мѣрѣ условіе это, поставленное цареградскимъ патріархомъ, не свидѣтельствуетъ-ли о «высшей» канонической власти цареградскаго патріарха надъ сербскою церковію, слѣд. о нѣкоторой зависимости послѣдней отъ перваго, можетъ быть фактически только номинальной, но de jure во всякомъ случаѣ признаваемой вѣроятно обѣими сторонами, т. е. и цареградскою патріархіею и сербскими архіепископами? Правда, г. Сретьковичъ по поводу мнѣнія г. Никетича («Развитак српске цркве», стр. 71) о томъ, что «архіепископы сербскіе, будучи избираемы соборомъ сербскихъ іерарховъ, получали подтвержденіе въ этомъ званіи со стороны цареградскаго патріарха», отчасти справедливо замѣчаетъ (стр. 521—2, прим. 1), что «на это нѣтъ нигдѣ доказательствъ» и что этого не могло быть, ибо патріархи въ первое время жили въ Никеѣ, «позже сербы находились во враждебныхъ отношеніяхъ съ Византіею» и т. д. Но вопросъ не объ этой (какъ у Никетича), можетъ быть и не существовавшей послѣ Саввы степени зависимости сербской церкви отъ цареградскаго патріарха, а только о томъ: признавали-ли напр. съ одной стороны сама цареградская патріархія, а съ другой и послѣдующіе послѣ Саввы сербскіе архіепископы (до учрежденія патріархіи), то, что выговорено было патріархіей при учрежденіи сербской архіепископіи и принято св. Саввою? Если — да, то не можетъ быть и спора о независимости сербской церкви отъ цареградской патріархіи: во всякомъ случаѣ, зависимость хотя бы номинальная, зависимость de jure первой отъ послѣдней оставалась все-таки и далѣе до учрежденія или точнѣе—признанія сербской патріархіи цареградскимъ патріархомъ. Поэтому, мнѣ кажется, правъ г. Флоринскій («Памятники зак. дѣят. Душана», стр. 14—15), когда говоритъ, что «сербскій архіепископъ избирался и ставился соборомъ епископовъ своей страны, и зависимость сербской церкви отъ константинопольскаго патріарха была чисто внѣшняя, вовсе для нея не стѣснительная». Кромѣ того, если г. Сретьковичъ для доказательства совершенной независимости сербской церкви со времени св. Саввы ссылается на примѣръ терновской патріархіи, то независимость послѣдней, признанная цареградскимъ патріархомъ и другими восточными, оспаривалась, однако, напр. патр. Каллистомъ (см. прим. 26), т. е. патр. терновскій признавался по подлинной (неизвѣстной въ цѣломъ) граматѣ патр. Германа II—ὡς εἷς τῶν ὑπὸ τὴν Κωνσταντινούπολιν μητροπολιτῶν, καὶ εἰς λογιστεύσεις εὐθύνας, τοῦτ' ἔστι, κρίσεις ἀχθήσεται, ἐπὰν ποτέ τις παρατραπεὶς τῆς δεσμοφορίας ἐξελεγχθῇ. Miklosich et Müller, Acta Patriarchatus Constantinopolitani, I, p. 438. Если патр. терновскій признавался въ Цареградѣ какъ одинъ изъ подчиненныхъ ему митрополитовъ, то нѣтъ ничего невозможнаго и въ томъ, что и сербскіе также архіепископы de jure не получили изъ Цареграда больше того правъ независимости, или, во всякомъ случаѣ, больше правъ за ними тамъ не признавали. Но какъ смотрѣли на себя сами сербскіе

архіепископы, равно какъ и болгарскіе патріархи: признавали-ли они всегда свою зависимость отъ Цареграда на правахъ митрополитовъ?— Это другой вопросъ, на который отрицательно отвѣтилъ самъ же патр. Каллистъ въ письмѣ къ терновскому духовенству (ср. тамъ же, стр. 437 и слѣд.). А какъ относились сербы къ своей номинальной зависимости отъ цареградскаго патріарха,—мы не имѣемъ на то указаній, не имѣемъ и возраженій со стороны Цареграда, а это можетъ быть значитъ, что нарушенія опредѣленныхъ при св. Саввѣ отношеній между сербскою церковію и цареградскою патріархіею не было, слѣд. номинальная «высшая власть» цареградскаго патріарха надъ сербскою церковію продолжалась до учрежденія въ Сербіи патріаршества.

[18]) При Стефанѣ Душанѣ, границы его владѣній простирались на сѣверо-востокѣ къ тогдашнимъ, довольно сократившимся еще ранѣе, владѣніямъ Болгаріи со включеніемъ Браничевской области, а на востокѣ границы доходили до верховьевъ Струмы и за верховья Моравы (такъ что города Нишъ, Дупница, Самоково, Ихтиманъ были уже во власти сербовъ), на юго-востокѣ и югѣ—онѣ обнимали бывшія до сихъ поръ владѣнія Византіи въ Македоніи по города—Сересъ, Драму и Кавалу со Св. Горой включительно, кромѣ г. Солуня, также въ Фессаліи, Эпирѣ, Акарнаніи, Этоліи и пр., а на западѣ—кромѣ владѣній, унаслѣдованныхъ частію отъ Стефана Немани и его преемниковъ, и обнимавшихъ Албанію, Захолмье и можетъ быть часть Босніи; на сѣверѣ же Мачва, отнятая у мадьяръ, составляла также (хотя только при Душанѣ) часть его владѣній. Вотъ болѣе или менѣе приблизительныя границы Душанова царства. Болѣе точное или детальное опредѣленіе этихъ границъ можно находить напр. у Голубинскаго (цит. соч.), Флоринскаго (цит. соч.), Сретьковича (цит. соч.) и др. Слѣдуетъ однако замѣтить, что существуютъ въ этомъ отношеніи разности, почти непримиримыя, зависящія сколько отъ состоянія источниковъ, столько же иногда и отъ субъективныхъ толкованій извѣстныхъ ученыхъ. Новое весьма обстоятельное изслѣдованіе даннаго вопроса, какъ и вообще эпохи Душана, въ нашей русской литературѣ представляетъ упомянутое сочиненіе проф. Т. Д. Флоринскаго (Южные славяне и Византія въ второй четверти XIV в.», а также другое его замѣчательное сочиненіе «Памятники законодательной дѣятельности Душана, царя сербовъ и грековъ» Кіевъ 1888 г.

[19]) Nicepli. Gregoras. vol. II, lib. XV. c. 1. p. 746. (edit. Bonn.). См. Флоринскій, Южные славяне и Византія во второй четверти XIV в., стр. 106—7, гдѣ приведены и подлинныя слова Григоры; ср. его же Памятники законодательной дѣятельности Душана, стр. 8—9.

[20]) Свѣдѣнія о вѣнчаніи Душана на царство, а вмѣстѣ съ тѣмъ и объ учрежденіи сербскаго патріаршества, весьма, впрочемъ, краткія, разсѣяны въ разныхъ источникахъ для сербской исторіи XIV вѣка; сравнительно болѣе полныя можно находить въ такъ называемомъ «Родословѣ», напис. архіеп. Даніиломъ (1323—1337) и др. неизвѣстными продолжателями и напеч. Даничичемъ подъ заглавіемъ «Животи кральева и архиепископа српских», въ Загребѣ 1866 г. (спец. стр. 378—380), затѣмъ, отчасти, въ изд. Новаковича «Зако-

ник Стефана Душана цара српског, 1349 и 1354. У Биограду 1870 г.» (спец. стр. XXIII—XXVI), въ лѣтописныхъ замѣткахъ («Гласник» V, 66), въ «Сказаніи о архіепископехъ срьбьскыхъ иже въ Пеки бывшихъ» («Гласник», XI, 160 и слѣд.), въ «Родословіи сербскіе цареи» («Гласник», XXI), «Обшти лист из патријаршије петьске» («Гласник», XXXIV, 40) и др. (Флоринскій, Южные славяне и Византія, II, 126—7, прим.). Спеціальнаго изслѣдованія о сербскомъ патріаршествѣ нѣтъ, кромѣ того, что находится въ цит. соч. проф. Голубинскаго, да еще нѣсколькихъ уже устарѣлыхъ очерковъ (частію компиляцій) на сербскомъ языкѣ: Свет. Никетича «Историјски развитак српске цркве. У Београду, 1870» (перепеч. изъ «Гласника», кн. XXVII); Н. Ружичича «Кратки историјски преглед узајмних одношаја између српске и грчко цариградске цркве и нихових представителја, од првог времена ниховог познаванја па до данас. У Београду 1876» («Очеркъ», не дающій безпристрастной характеристики взаимныхъ отношеній между сербскою церковію и цареградскою патріархіею), и др. — Гораздо болѣе посчастливилось политической исторіи сербовъ, гдѣ дается мѣсто и разсматриваемому нами вопросу. Но слѣдуетъ замѣтить, что и эти сравнительно многочисленныя пособія, касающіяся разсматриваемаго вопроса,—нѣкоторыя устарѣли, а нѣкоторыя представляютъ только компиляціи и потому нѣтъ нужды называть ихъ всѣ. Обращаю вниманіе на новыя капитальныя изслѣдованія Душановой эпохи въ нашей русской литературѣ— проф. Флоринскаго: 1) Южные славяне и Византія во второй четверти XIV в., I—II вып. (Спб., 1882), гдѣ можно найти указанія и на литературу предмета, и 2) Памятники законодательной дѣятельности Душана, царя сербовъ и грековъ (Кіевъ, 1888 г.). Въ сербской литературѣ, послѣ перваго сочиненія проф. Флоринскаго, появилось сочиненіе проф. бѣлградской великой школы П. Сретковича «Историја српскога народа», въ 2-хъ кн. или томахъ (доведена до 1367 г.), Београд 1884 и 1888 гг., гдѣ авторъ по разсматриваемому нами вопросу, какъ и по разнымъ другимъ, полемизируетъ съ проф. Флоринскимъ. Кромѣ того, мы имѣли въ виду и другія сочиненія и статьи г. Сретковича, въ которыхъ содержатся данныя или сужденія его по вопросу спеціально интересующему насъ, каковы напр.: «Краль Вукашин убио цара Уроша» (Београд, 1881 г.) и «Расправа о цару Урошу» («Гласник», кн. LXIV, стр. 275—407).

[21]) Такъ, византійскихъ императоровъ вѣнчали на царство цареградскіе патріархи; современника же Душанова Іоанна Кантакузина вѣнчалъ на царство іерусалимскій патріархъ Лазарь, и т. д.; а сосѣдняго болгарскаго царя Іоанна Асѣня II (1218—41) и др. его преемниковъ—терновскій патріархъ. Сретьковичъ, Историја, II, 498. Ср. Флоринскій, Южные славяне и Византія, стр. 126—7 и слѣд.

[22]) «...Господину кралю Стефаноу... приѥмьшоу многыѥ земліѥ и градове грьчьскыѥ, и вѣньча се на царьство вь градоу Скопию, (и) арьхиѥпископа кирь Иоаникиѧ постави патриѧрьхомь». См. «Родословъ», стр. 378. Ещѣ: «Царь Стефань вѣньча се на царьство и патриѧрьха себѣ избра срьбліѥмь не по закону ни сь благословеніѥмь цариградьскааго патриѧрьха, ѩкоже по-

добаіеть, нь поиска благословениіе бесчинно на патриіарьхоу трьновьскомь и на арьхиіепископоу охридьскомь и сь сьборомь срьбьскыимь, сице вьцари се и постави патриіарьха, іакоже не подобаіеть, ... богоданоую власть вьсприіемь распространіаеть се кь вьстоку и западоу и сѣвероу и югоу, грады же и страны грьчьскыіе не мало вьсприіеть. запинаіеть же се и ть оть обьштааго врага, вьзвышаіеть се срьдьцемь, и прародительскоу власть краліевьства оставивь, царьскыи сань вьжделѣвь вѣньча се на царьство. и по семь оставліаеть іеже оть прародителіа и светааго Савы прѣданоіе іему арьхиіепископьство оть патриіарьха цариградьскааго, поставліаіеть себѣ посилиіемь патриіарьха Иоаникиіа». Тамъ же, стр. 380—1. Въ другомъ мѣстѣ (въ граматѣ самого Душана отъ 1349 г.), говорится о коронаціи, имѣвшей тѣсную связь съ провозглашеніемъ патріаршества, напр. слѣдующее: «И постави ме господина и сьдрьжителіа вьсой земьли ѡтьчьства моего, и царствова лѣть. ѕ҃і, и потомь болшею чьстію ѡть вишніаго всѣхь дрьжителіа десницею оукрѣпліень быхь... мене преложи ѡть краліевства на право царство славное и вьсехь дасть ми вь рꙋцѣ іакоже и великомꙋ Константинꙋ царꙋ, земліе и вьсехь страни и поморіа, и велике градове царства грчкаго, іакоже и прѣжде рѣхомь, и Богомь дарованимь вѣнцемь царскимь вѣнчань быхь на царство въ лѣто ѕѡ҃н҃д мѣсеца Априла д҃і (вм. 14 нужно читать 16. Флоринскій, Южные славяне и Византія, II, 127, прим.) дьнь вь велики и многосвѣтли и радостныи праздникь Вьскрьсенїа Христова, благословенїемь преосвештенаго патріарха Іоанникїа и вьсеми архіереи сьбора срьбскаго, тогожде благословеніемь и рукою преосвештенаго патріарха бльгарскаго кѵрь Сѵмеона и вьсеми архіереи сьбора бльгарскаго и молитвами же и благословеніемь вьсечьстнаго лика светые гори Аѳона, протомь же и всеми ігумени и вьсеми старци сьбора светогорскаго паче и оть архіереа престола грьчкаго и вьсего сьбора, иже изволише о мнѣ царствовати». Грамата напечатана, между прочимъ, у Новаковича («Законик Стефана Душана цара српског. 1349 и 1354. У Биограду 1870 г.», введенія XXV стр.).

[23]) Предполагаютъ, что акту коронаціи царя 16 апрѣля (въ первый день Пасхи) недѣлею ранѣе предшествовало возведеніе архіепископа въ патріарха, которое совершилось, слѣдовательно, въ недѣлю Ваій. Сретьковичъ, Историја, II, стр. 520.

[24]) Мы не имѣемъ пока подлиннаго текста произнесенной патр. Каллистомъ «анаѳемы» на Душана со «всѣмъ его народомъ сербской земли», но уцѣлѣвшій, повидимому, въ отрывкѣ славянскій переводъ патріаршей граматы отлученія проливаетъ свѣтъ и на самыя причины отлученія, которыя разъясняются также въ другихъ греческихъ документальныхъ источникахъ, приводимыхъ ниже. Вотъ славянскій отрывокъ текста этой граматы, который мы перепечатываемъ изъ брошюры г. Сретьковича: «Краль Вукашин убио цара Уроша» (Београд 1881):

«Божіею милостью. Мы Калисть архіепископъ вселенскіи патріархь извѣствоуемъ со всемъ синодомъ нашеіа великііа католическііа

апостольскіи цркъвы со дозволеніемъ царя нашего киръ Андроника юнаго и со весь синглитомъ его, ꙗко во наше православіе ꙗвисѧ ѿ западныя Миссіи неправедныи и хищныи царь сръбскаго народа Доушанъ силныи единомысленикъ западныя цркъве... И одстрека его злоба и гордость да пакости намъ дѣеть, нашы бо епископы изъ Ѳессалію и всю Македонію до Иллирія изгна безчестно, и ꙗви се соупостатъ нашемоу царьствоу... Повелеваемъ да боудетъ «Маран ата и фри фри» (т. е., по замѣчанію г. Сретьковича, это—форма «проклятія» у евреевъ, ср. 1 Кор. 16, 22; Гал. 1, 8) съ всемъ его народомъ сербскіи земли волѣть ѿ Адама sѿ» (т. е. 1352). См. 33 стр. Г. Сретьковичъ (въ соч. «Историја», II, 520, прим.), возражая противъ сужденія проф. Флоринскаго (Южные славяне и Византія II, 128) о незаконности («съ юридической точки зрѣнія восточной церкви» и пр.) Душанова поступка «самочиннаго» провозглашенія патріаршества и основываясь на вышеприведенной граматѣ патр. Каллиста и нижепечатаемомъ отвѣтномъ на нее письмѣ грачаницкаго протопопа Евѳимія, говоритъ, между прочимъ, что «патр. Каллистъ произнесъ анаѳему на Сербію не вслѣдствіе (т. е. провозглашенія) патріаршества, но вслѣдствіе интригъ Кантакузина» (который, въ то время, вѣнчавшись императорскою короною отъ іерусалимскаго патр. Лазаря, «находился въ войнѣ съ Византіей», т. е., съ сторонниками законнаго наслѣдника императорскаго престола—Іоанна V Палеолога). «Каллистъ произнесъ анаѳему за то, что Душанъ 1) дѣлаетъ нападенія на имперію (т. е. Византію), 2) будто единомышленникъ западной церкви и 3) изгналъ изъ Ѳессаліи и Македоніи греческихъ владыкъ. Слѣдовательно, причины «анаѳемы», по мнѣнію г. Сретьковича, были политическія, а не чисто-церковныя: «въ Скопіи, пишетъ онъ (тамъ же), присуствовало два самостоятельныхъ и независимыхъ іерарха съ правомъ — признавать и «посвящать» сербскаго архіепископа въ «патріарха», къ тому же и «греки» впослѣдствіи т. е. «въ 1375 г. признали сербскую патріархію». Да если бы, продолжаетъ г. Сретьковичъ, «анаѳема была произнесена на Душана «за патріаршество», то это было бы сдѣлано сразу же, а не въ 1352 году». Ясно, что г. Сретьковичъ оправдываетъ поступокъ провозглашенія Душаномъ патріаршества не только какъ политически-нужный, но и канонически-законный, ибо «въ Цареградѣ было тогда (по случаю войнъ съ Душаномъ, съ І. Кантакузиномъ и др.) не до признанія сербскаго патріархата» (тамъ же), да и «трудно, чтобы Душанъ дѣлалъ что-нибудь для полученія благословенія, такъ какъ свое благословеніе преподали ему два патріарха (?) и одинъ архіепископъ съ греческими владыками—митрополитами и святогорцами» (послѣдняя фраза у автора относится, вѣроятно, къ акту коронаціи Душана, а не спеціально къ учрежденію патріаршества, ибо до провозглашенія патріаршества былъ одинъ только патріархъ терновскій). Поэтому, словами грачаницкаго протопопа Евѳимія, г. Сретьковичъ защищаетъ «православнаго царя» отъ «лжи и клеветы», обличая, повидимому, въ «не-патріотизмѣ» тѣхъ сербовъ, «мысль которыхъ затемнена (?) греческими каноническими софизмами», какъ «это видно—по его мнѣнію—изъ позднѣйшаго акта признанія сербской патрі-

архіи» (къ числу такихъ онъ относитъ, между прочимъ, деспота І. Углешу, старца Исаію и мн. др.). «Патріотическая партія»—заключаетъ г. Сретьковичъ—была за «царство и патріархію», а «консервативная—за королевство и архіепископію». Едва-ли было такъ, ибо именуемые у г. Сретьковича сторонники «консервативной партіи» (напр. кн. Лазарь и др.) были нерѣдко лучшими патріотами, а по вопросу, въ частности, о примиреніи съ цареградскою патріархіею они дѣйствовали не по недостатку патріотизма, но по сознанію важности и необходимости храненія церковнаго мира, нарушеніе котораго такъ тяготило всѣхъ искренно вѣрующихъ, во всякомъ случаѣ не измѣнниковъ «національной идеѣ», какъ представляетъ г. Сретьковичъ. Не входя въ подробный разборъ всѣхъ высказанныхъ г. Сретьковичемъ основаній въ пользу исключительности политическаго мотива «анаѳемы» и опредѣляя свою точку зрѣнія по этому вопросу въ самомъ изслѣдованіи, замѣчу здѣсь только, что выражаемый въ вышеприведенной граматѣ патр. Каллиста, повидимому, политическій мотивъ «анаѳемы» («злоба, «гордость» неправеднаго и хищнаго царя сербскаго Душана сильнаго, супостата греческому царству, изгнавшаго греческихъ епископовъ изъ Ѳессаліи и Македоніи и пр.) предполагаетъ и церковныя хотя бы формальныя основанія, кромѣ неправильнаго (по словамъ отвѣтнаго письма грачаницкаго протопопа Евѳимія—«оклеветанія») или во всякомъ случаѣ преувеличеннаго обвиненія Душана въ «единомысліи съ западною церковію». Основанія эти прямо не указываются въ патріаршей граматѣ, напечатанной, впрочемъ, только въ отрывкахъ, но заключаются уже въ томъ обвиненіи, которое касается узурпаціи Душаномъ правъ и привиллегій греческаго царства («ꙗвисе соупостатъ нашемоу царьствоу») вслѣдствіе «злобы», «гордости» и пр. Къ тому же въ печатаемомъ ниже отвѣтномъ письмѣ грачаницкаго протопопа Евѳимія ясно указывается на заслугу Душана относительно поставленія патріарха и епископовъ изъ природныхъ сербовъ, — вѣроятно сдѣлано это въ виду указаній патр. Каллиста и на «узурпацію» патріаршаго титула, какъ объ этомъ ясно говорится въ другихъ сербскихъ источникахъ (т. н. «Родословѣ» и мн. др., см. прим. 22). Какое впечатлѣніе произвела эта анаѳема на самого Душана и его соединомышленниковъ, показываетъ отвѣтное письмо на патріаршую грамату, написанное грачаницкимъ протопопомъ Евѳиміемъ и напечатанное въ той же брошюрѣ г. Сретьковича (на 33—34 стр.).

«Отвѣщаше на писмо Калиста архіепископа вселенскаго патріарха ѿтъ црьковь Грачаницы.

«Ельма мы въ наше православіе имамы коуколъ, и нашего срьбства господара нашего цара помазаника Христова благовернаго наследника лозе Неманикꙗ, ѡтраслъ из жезла Аароне Стефана Силнаго, гѡрдіе и высокооумніе зло поминоующіе греки хоулеть, и глаголетъ ꙗко есть сомысленикъ западныꙗ црькве. Оклеветаше таи искреннаго своего. Занеже нашъ царъ и наследникъ изгна ихъ иже имехоу гърдо око и несито сръдце Немы да боудоутъ оуста ихь льстивые оболгають нашего царꙗ зане гонить благостине, любитъ правдоу. Постави ѿ нашего ны ꙗзыка и племене патріарха

и епископе, оутъврди православіе разпространи апостолскоую црьковь седьмь соборе. Маран ата и фри фри на оболгающіе и клеветающе и хоулеще нашего помазаника Христова, хоула ихъ и клевети ихъ да снидеть на нихъ ꙗкоже на ꙗзвоу ї҃звоу Неемиꙗевоу Господи не пиши имъ греха не ведатъ что творетъ... Ты Господи нашего помазаника предварилъ еси благословеніемъ благостинемъ, си положилъ на главоу его вѣнецъ ѿ камене честна.., Живота просилъ есть оу тебе и далъ еси емоу долгіе дни во векъ века... Веліи слава его спасеніемъ твоимъ, славоу и велелѣпіе возложиша на него. Ꙗко царе оуповаетъ на те и ѿ милости твое неподвижитсе... Обрати лесница твоіи на враги его, плодъ ихъ ѿ земле погоубиши, ꙗко оуклонише на помазаника твоего злаи помыслише совети иже не возмогоутъ ѡставити. Вознеси же Господи силою твоею, вознеси славу нашего помазаника царя Стефана вопіемъ и поемъ силе твое... Протопопа Ефіміе зріанинь съ царьско и патріаршеско повеленіе писа марта г҃ (по предположенію г. Сретьковича—въ 1352 году).

[25]) Флоринскій, Южные славяне и Византія. II, 248—253 и слѣд., гдѣ приведены и безспорныя историческія основанія не только въ пользу «православія» Душана, но и его противодѣйствія латинской пропагандѣ.

[26]) Miklosich et Müller, Acta Patriarchatus Constantinopolitani, I, p. 436—442. Приведенный отрывокъ патр. Германа II напечатанъ въ упомянутой граматѣ патр. Каллиста, изданной также въ «Извѣстіяхъ Академіи Наукъ по II отдѣленію» (VII т., 155 и слѣд. 1858 г.) вмѣстѣ съ славянскимъ переводомъ значительной ея части, русскій переводъ которой приведенъ у В. Г. Васильевскаго въ ст. «Обновленіе болгарскаго патріаршества при царѣ Іоаннѣ Асѣнѣ II, въ 1235 году» (Журн. М. Н. Просв., 1885, мартъ и апрѣль, стр. 213—214, примѣч.). Для характеристики отношеній цареградской патріархіи къ требованіямъ объ автокефаліи церквей нѣкогда ей подчиненныхъ въ церковномъ отношеніи народовъ не излишне привести въ подлинникѣ нѣкоторыя мѣста указанной граматы патр. Каллиста, гдѣ ясно формулируется взглядъ патріархіи на болгарскую церковь и ея предстоятеля какъ до наименованія его патріархомъ, такъ и послѣ наименованія—согласно съ пониманіемъ условій этого наименованія въ Цареградѣ. ...ἐγνώρισεν ἡ μετριότης ἡμῶν, пишетъ патр. Каллистъ, ...περὶ τοῦ πατριάρχου Τρινόβου, ὅπως οὐ μέμνηται ἐν ταῖς ἱεραῖς τελεταῖς καὶ ποιεῖται ἀναφορὰν τοῦ ὀνόματος τῆς ἡμῶν μετριότητος καὶ τῶν ἑτέρων ἁγιωτάτων πατριαρχῶν, καὶ οὐ δὲ ἡ μετριότης ἡμῶν μέμνηται τοῦ ὀνόματος τούτου κατὰ τὸν ὅμοιον τρόπον, εἰδέναι βουλόμεθα τὴν ὑμετέραν εὐλάβειαν, ὅτι... τὸ (δὲ) τελούμενον παρ' αὐτοῦ ...ἐστι παμπαν παραλογώτατόν τε καὶ ἀδικώτατον δι' αἰτίαν τοιαύτην· ὁ πατριάρχης Τρινόβου ἦν ἄνωθεν καὶ ἐξ ἀρχῆς ἐπισκόπου ὄνομα φέρων, ὑποτασσόμενος τῇ ἁγίᾳ τοῦ Θεοῦ μεγάλῃ ἐκκλησίᾳ, εἶθ' ὕστερον παρακλήσεως γεγονυίας πολλῆς καὶ δεήσεως εἰς τὴν καθ' ἡμᾶς ταύτην μεγάλην καὶ ἱερὰν σύνοδον παρὰ τοῦ τότε τὰ τῆς βασιλείας τῶν Βουλγάρων διαθύνοντος σκῆπτρα, διὰ τιμὴν ἐκείνου κατοῦ τοιούτου ἔθνους, ὑποτεταγμένου φανέντος τῇ καθ' ἡμᾶς ἁγιωτάτῃ τοῦ Θεοῦ μεγάλῃ ἐκκλησίᾳ ἐδωρήθη συγκαταβάσεως λογῳ πρὸς τὸν Τρινόβου τὸ ὀνομάζεσθαι πατριάρχην Βουλγαρίας, οὐ μέντοι εἶναι καὶ συναρίθμιον τοῖς λοι-

ποῖς ἁγιωτάτοις πατριάρχαις, καὶ διὰ τοῦτο μηδὲ μνημονεύεσθαι ἐν τοῖς ἱεροῖς διπτύχοις κατὰ τὸν θεῖον καὶ ἱερὸν κανόνα τῆς δ' συνόδου (28-е прав. IV-го всел. халк. соб., и др.). Указавъ на 28 правило IV всел. соб., а также 36 прав. трулльскаго собора и др., патр. Каллистъ продолжаетъ: Ἐπειδὴ πέντε πατριάρχαι ἐτάχθησαν τὸ κατ' ἀρχὰς παρὰ τῆς καθολικῆς καὶ ἀποστολικῆς ἐκκλησίας Χριστοῦ, μέχρις ἂν σὺν ἡμῖν καὶ ὁ πάππας Ῥώμης, ἕκτοτε δὲ μέχρι τοῦ νῦν εἰσιν ἡνωμένοι οἱ τέσσαρες, οἵτινες κοινωνίαν ἔχοντες ἀδιασπάστως μνημονεύονται παρ' ἀλλήλων ἐν ταῖς ἐκκλησιαστικαῖς πάσαις συνάξεσιν. Ἔδει γοῦν τὸν Τρινόδου πατριάρχην, ἅμα μὲν δι' ἣν ὤφειλεν ἔχειν ὑποταγὴν εἰς τὴν καθ' ἡμᾶς ἁγιωτάτην τοῦ Θεοῦ μεγάλην ἐκκλησίαν, παρ' ἧς εἴληφε καὶ τὸ εἶναι καὶ τὸ ὀνομάζεσθαι πατριάρχης, ἅμα δὲ καὶ τὸ περιποιεῖσθαι ἑαυτῷ τιμὴν καὶ κοινωνίαν τῆς ἡμῶν μετριότητος καὶ τῶν ἄλλων πατριαρχῶν, ἀνάγκην ἔχειν ἀναφέρειν ἀεὶ τήν τε ἡμῶν μετριότητα καὶ τοὺς ἄλλους πατριάρχας ἐν τοῖς ἱεροῖς διπτύχοις καὶ οὕτως ἀποσώζειν καὶ αὐτὸν ἐν τῇ ἐκκλησίᾳ αὐτοῦ τὸν τύπον τῆς ἐκκλησιαστικῆς καταστάσεως, κἀντεῦθεν φαίνεσθαι ἡνωμένος καὶ συναριθμιος ἡμῖν. Затѣмъ приводится извѣстная выдержка изъ не сохранившагося сочиненія или соборнаго свитка патріарха Германа: τὸ δὲ ἡμέτερον οὐκ οὕτως ἔχει, οὐκ οὕτως, ἀλλὰ κοσμικὴν τὴν κοινωφέλειαν ἐπαγγελόμενον τῷ τετιμημένῳ τοῦ τῶν Βουλγάρων ἔθνους ἀρχιερεῖ, τὸ αὐτοκέφαλον εἶναι ὁλόκληρον οὐκ ἐτομογράφησεν, ἀλλὰ δεσμοφορήσει πάλιν, τοῦτ' ἔστι, δώσει τέλη καὶ φόρους τῷ τιμήσαντι πατριάρχῃ καὶ τὴν τοῦ ὀνόματος αὐτοῦ ἐπ' ἐκκλησίας ἀναφορὰν, ὡς συνεισφοράν, ὡς εἷς τῶν ὑπὸ τὴν Κωνσταντινούπολιν μητροπολιτῶν, καὶ εἰς λογιστεύσεις καὶ εὐθύνας τοῦτ' ἔστι, κρίσεις ἀχθήσεται, ἐπὰν ποτέ τις παρατραπεὶς τῆς δεσμοφορίας ἐξελεγχθῇ. οὕτω μὲν ἡ ὑπόσχεσις καὶ ἡ συμφωνία τῆς τῶν Βουλγάρων ἐκκλησίας πρὸς τὴν Κωνσταντινούπολιν. καὶ χωρὶς δὴ τούτου, εἰ ὁ τῆς Κωνσταντινουπόλεως θρόνος καὶ τὰς τῶν ἄλλων πατριαρχῶν κρίσεις, Ἀλεξανδρείας, Ἀντιοχείας καὶ Ἱεροσολύμων καὶ ἐπανακρίνει καὶ διευθετεῖ καὶ ἐπιψηφίζεται καὶ τὸ κῦρος δίδωσιν, ὡς οἱ θεῖοι κανόνες διαγορεύουσι καὶ αἱ πράξεις ἐπεμαρτύρησαν, πῶς οὐ πολλῷ μᾶλλον τῆς τῶν Βουλγάρων ἐκκλησίας ὁ θρόνος οὗτος κύριος ἔσται, παρ' οὗ καὶ τὸ ὀνομάζεσθαι πατριάρχης τετίμηται, и т. д., какъ выше приведено въ русскомъ переводѣ. Такъ ли, въ дѣйствительности, смотрѣлъ на терновскаго патріарха самъ патр. Германъ II (отрывокъ неизвѣстнаго свитка котораго приводитъ патр. Каллистъ) и другіе восточные патріархи, рѣшить это, за неимѣніемъ твердыхъ данныхъ, съ документальною точностію почти невозможно. Но на основаніи свидѣтельства Акрополиты (Acropolit. ed. Bonn. p. 55: «Чтобы еще болѣе возблагодарить болгарскаго правителя Асѣня за родство и дружбу, по императорскому и соборному опредѣленію, архіерей терновскій, подчиненный константинопольскому патріарху, сдѣланъ былъ автокефальнымъ и провозглашенъ патріархомъ»), а также извѣстнаго т. н. «Синодика царя Бориса» (Временникъ Импер. Общ. исторіи и др. Рос., 1855, кн. 21, стр. 9—11: «Іоаннь Асѣнь царь великыи... обновилъ патріаршьство блъгарского царства», такимъ образомъ. Греческій никейскій императоръ Іоаннъ Дука Ватаци (1222—1255) обратился съ просьбою къ «вселенскому» патр. Герману II, іерусалимскому Аѳанасію, антіохійскому Симеону и александрійскому Николаю — слѣд. содержанія: «моля и бѣдя отечьство ваше, да бисте непраздно сътворили нашего

прошеніа къ вамъ. нѫ рѫкописаніе ваше положивше и послали моемоу царствоу, на освѧщеніе по ѡбщомоу намъ и вашему съвѣщаніоу еже нарещи и даровати равнаго вамъ степене патріарьшьскаго трънова града церкви» и т. д. Всѣ патріархи согласились на это и прислали свои посланія, предоставляя вселенскому патріарху исполнить то, «яко власть имы вѧщьшаго сѣданіа». Собраны были со всего греч. царства митрополиты. архіепископы, епископы, иноки—архимандриты, игумены, а также вмѣстѣ съ І. Асѣнемъ II и изъ его царства митрополиты, архіепископы, епископы и всѣ честные иноки Св. Горы. «Събравсѧ съ въсточнымь царемь Калоіѡанномъ, на понтьстѣмь мори. мѫжа благоговѣина и свѧта дѣлы и житіемь постничьскым въсіавша, Ісакима прѣжде освѧщеннаго архіепископа, нарекошѧ его патріарха, не тъкмо словомь, нѫ и рѫкописаніемь Германа патріаха, и въсѣхь епископъ въсточныихъ рѫкописаніе свое положивше, въ сиггили печатлѣвше, въдашѧ благочьстивому царю, и патріархоу новоосвященному тогда Ісакиму въ вѣчное поминаніе не отемлемо»), — можно предполагать о равенствѣ терновской патріархіи по своимъ правамъ съ другими восточными патріаршими каѳедрами, слѣд. о подчиненности ея Цареграду на правахъ подвѣдомой ему митрополіи (какъ это передано въ граматѣ патр. Каллиста) не можетъ быть рѣчи, во всякомъ случаѣ исторія не оправдываетъ законности этихъ притязаній. Но вѣроятно, что система «пентархіи», или (за отдѣленіемъ отъ вселенскаго единства римскаго папы) «тетрархіи» поддерживала въ Цареградѣ тѣ притязанія, которыя высказаны патр. Каллистомъ въ вышеприведенной граматѣ къ терновскому духовенству, а можетъ быть вліяла также и на неблагосклонное отношеніе въ Цареградѣ къ «самочинному» акту провозглашенія въ Сербіи патріаршества...

[27]) Таковы напр. существовавшія въ это время: въ вост. Македоніи—митрополіи мельникская, филиппская, христопольская и сересская (съ подч. епископіями) и архіепископія драмская; въ Ѳессаліи, ю. Эпирѣ и Акарнаніи — митрополіи веррійская, ларисская, навпактская и янинская (съ подч. епископіями). См. Голубинскаго Краткій очеркъ исторіи прав. церкв.. стр 474, прим. Проф. Флоринскій (Южные славяне и Византія, II, стр. 133, прим.) старается представить «подчиненіе македонскихъ митрополитовъ печскому патріарху» «чисто внѣшнимъ», выражавшимся только въ правѣ послѣдняго утверждать и хиротонисовать епископа, выбраннаго самимъ же греческимъ соборомъ». Приводимыя въ пользу сдѣланной догадки основанія (что печскій патріархъ никогда не называется въ граматахъ патріархомъ греческимъ, а только сербскимъ, за исключеніемъ сомнительной граматы у Миклошича р. 142; что «не сохранилось» будто бы «никакихъ указаній, чтобы печскій патріархъ проявилъ въ чемъ-нибудь свою власть надъ этими епископіями» и др.) во всякомъ случаѣ не ослабляютъ подлиннаго смысла греческихъ граматъ (Miklosich et Müller, Acta Patr. Const. I, 555 и слѣд., 560 и слѣд.) о примиреніи сербской церкви съ цареградскою патріархіею. Такъ напр., въ граматѣ патр. Филоѳея отъ 1371 г. (напеч. у Миклошича, р. 553 и слѣд.)

говорится между прочимъ: Στέφανος ἐκεῖνος, τὸν τῶν Ῥωμαίων τόπον παραλαβὼν καὶ τὰς ἐκκλησίας ἀποστήσας τῇ καθολικῇ καὶ μητρὶ παραδέδωκε πρὸς τὸν ἀρχιεπίσκοπον Πεκίου καὶ Σερβίας, καὶ ὑπὸ τὴν ἐκείνου ἐνορίαν ταύτας ἀποκατέστησε, καὶ ἐχειροτονοῦντο κακῶς ὑπ' ἐκείνου καὶ παρανόμως οἱ τῶν ἡμετέρων ἐκκλησιῶν ἀρχιερεῖς καὶ προστάται..., слѣд. вмѣстѣ съ архіепископомъ отступили отъ церковнаго общенія съ цареградской патріархіей и вмѣстѣ съ нимъ подверглись ея отлученію подчиненные ему епископы, а также и вновь хиротонисованные имъ «архіереи и предстоятели «нашихъ (какъ выражается патр. Филоѳей въ вышеприведенной греческой грамотѣ) церквей». Зависимость новоприсоединенныхъ греческихъ епархій отъ печскаго патріарха устанавливалась слѣд. не «чисто только внѣшняя»...

[28]) Сказавъ о «насильственномъ» поставленіи Душаномъ патріарха, авторъ «Родослова» продолжаетъ: «таже съ съвѣтомь сего отъгонить цариградьскыѥ митрополиты иже подь областию того градѣхь, и бываѥть бѣда и зълоба не мала. патриарьхь бо царьствоуюштааго града тогда вьселиѥньскыи кирь Калѥсть посылаѥть и отълоучаѥть цара съ патриарьхомь иѥговы арьхиѥреѥ». «Родословъ» стр. 381. Г. Сретьковичъ («Историја», II, 506—7 и др.), ссылаясь на «Лѣтопись церковныхъ событій» архим. Арсенія (Спб. 1880 г.), стр. 508 («Сербскій государь, подозрѣвая греческихъ епископовъ въ своихъ владѣніяхъ въ недоброжелательствѣ, замѣнилъ ихъ сербами и отчислилъ ихъ епархіи къ патр. печскому, именно епархіи въ Македоніи—мельникскую, филиппинскую, христопольскую, сересскую и драмскую, а въ Ѳессаліи — веррійскую, ларисскую и др. Это случилось по смерти перваго сербскаго патріарха Іоанникія (3 сент. 1349 г.?), при его преемникѣ Саввѣ IV. По этому поводу и уступая Кантакузину, желавшему чѣмъ-нибудь отмстить сербамъ, константинопольскій патріархъ Каллистъ изрекъ отлученіе на царя сербскаго, патріарха и все сербское духовенство, и не позволялъ священникамъ сербскаго посвященія служить въ своемъ округѣ»), относитъ изгнаніе греческихъ епископовъ ко времени патр. Саввы IV, послѣ кончины патр. Іоанникія (кстати—неправильно относимой къ 349 г.—см. 1354 г., ср. Голубинскаго Краткій очеркъ исторіи прав. церкв., стр. 473 и 558—9). А между тѣмъ въ т. н. «Родословѣ» неизвѣстный авторъ, говоря «о поставленіи втораго патріарха сербскаго киръ Саввы» (стр. 380—381) и кратко излагая при этомъ «повѣсть о царѣ Стефанѣ», замѣчаетъ между прочимъ, что «поставлиѥть (т. е. Душанъ) себѣ посилиѥмь патриарьха Иоаникиа», изгоняетъ еще при немъ и съ его вѣдома греческихъ митрополитовъ и тогда-то патр. «вселенскій» Каллистъ отлучаетъ царя и патріарха съ архіереями... (ср. текстъ выше). Ясно, что изгнаніе греческихъ епископовъ случилось еще при первомъ патр. Іоанникіи; ясно также и то, что случилось это въ то время, когда на патріаршемъ престолѣ въ Цареградѣ былъ патр. Каллистъ I (въ первый разъ съ 1350—1354), слѣд. не ранѣе 1350 г., хотя въ вышеприведенномъ выраженіи слово «тогда» и не даетъ возможности точнѣе опредѣлить время изгнанія,—можетъ быть оно служитъ связью двухъ

моментовъ, не непосредственно слѣдовавшихъ одинъ за другимъ (т. е. между моментомъ изгнанія греческихъ епископовъ и моментомъ произнесенія «анаѳемы» патр. Каллистомъ былъ промежутокъ времени, употребленнаго вѣроятно на переговоры и сношенія по разнымъ спорнымъ вопросамъ—о патріаршествѣ, объ отторгнутыхъ Душаномъ греческихъ епархіяхъ, изгнаніи греческихъ епископовъ и пр., ибо важность совершеннаго акта отлученія сербской церкви отъ вселенскаго единства требовала предварительныхъ мѣръ для предупрежденія неисчислимыхъ печальныхъ послѣдствій крайней церковной мѣры, т. е. «анаѳемы»). Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что «схизма», провозглашенная патр. Каллистомъ только въ 1352 году, послѣдовала, очевидно, не сразу послѣ акта провозглашенія сербскаго патріаршества въ 1346 году, не сразу и послѣ другихъ историческихъ причинъ разногласія (отторженія греч. епархій, изгнанія греч. епископовъ и проч.) между греками и сербами, а чрезъ извѣстный промежутокъ времени, можетъ быть только послѣ нѣкоторыхъ попытокъ къ мирному улаженію спорныхъ вопросовъ.

[29]) «Семоу же бывьшоу (т. е. отлученію) на раскаѩниѥ приходить царь, и поиска о зьлобѣ сеи разрѣшениѥ, и не вьзможе обрѣсти сана ради и градовь» (Сретьковичъ поспѣшно относитъ эти слова именно къ политическимъ мотивамъ «схизмы», считая причиною ея провозглашеніе Душаномъ царства и патріаршества и завоеваніе «городовъ» имперіи. См. выше въ прим. 24, а также въ «Историји», II, стр. 529 и др.). «И посемь разрѣшаѥть се оть житиѩ сего и гробоу прѣдаѥть се, зьлобоу же сию не погребеноую оставль». «Родословъ», стр. 381. Ср. съ этимъ позднѣйшее извѣстіе т. н. Троношской лѣтописи («Гласник», V, 1853 г., стр. 68 и 69): «Греческій царъ Андроникъ юнѣйшій, со четирми патрїархи вселенскими и со всемъ соборомъ синода и сигклита, за воспріатіе титла императорскаго и поставленіе патріарха и митрополитовъ, Стефана Душана подъ клетву положили и отлучили со всѣмъ духовнымъ и мирскимъ чиномъ». Затѣмъ (нѣсколько ниже), говоря о приближеніи Душана къ Цареграду, лѣтописецъ замѣчаетъ: «Не могій же царъ греческій сопротивъ стати сили Стефановой, чрезъ патріарха посылаетъ градскіа ключи и моленіе, да не проливается више кровъ хрїстѧнскаѧ. На кое умоленъ Стефанъ послуша и друголюбезно состалися царіе, и отъ патріарха паки приялъ благословеніе себы и своимъ. Но грецы сіе сотворили ластивно, зане тако по смерти Стефановой, обновиша паки клетву на Уроша и на вся, и на умершаго Стефана». Вѣроятно, лѣтописецъ, желая возвеличить военные успѣхи Душана въ походѣ на Цареградъ (каковый походъ—кстати—нѣкоторые новѣйшіе изслѣдователи рѣшительно отказываются признать за «дѣйствительно бывшее событіе». Флоринскій, Южные славяне и Византія, II, 208) и представить малодушіе грековъ (умоляли Душана!), говоритъ о «благословеніи» патріарха, преподанномъ Душану и его соотечественникамъ, а не умѣя объяснить фактъ продолжавшейся «схизмы», онъ прибѣгаетъ къ предположенію о вторичномъ актѣ отлученія, бывшемъ будто при сынѣ Душана—Стефанѣ Урошѣ V, о чемъ однако ни-

чего неизвѣстно изъ другихъ болѣе раннихъ и достовѣрныхъ источниковъ.

[30]) «По семь (т. е. послѣ Душана) приѥть царьство сынь ѥго Оурошь, и мало благодьньствовавь и бѣдоу приѥть великоу оть властель своихь, и мало лѣть царьствова, и ть оть жизни сеѥ прѣстави се, ничесоже о прѣдьченѣи зълобѣ сътворь». «Родословъ», 381.

[31]) «Царьство же ѥго приѥть ѥдиноу честь князь Лазарь, дроугоую же честь Влькашинь, иже на кралѥвьство дрьзноувь, ничесоже небрѣгь о проклетии свѣтааго Савы. грьчьскыѥ же страны и грады приѥть Оуглѥша. и по семь съвькоупльше се изидоше вь Македонию. и оть тоурькь оубиѥни быше, и тако съконьчаше се». Тамъ же.

[32]) Изъ греческаго текста письма, напечатаннаго у Миклошича (см. ниже), приводятся здѣсь только тѣ мѣста подлинника къ русскому переводу, которыя служатъ также комментаріемъ къ вопросу о причинахъ происшедшей между греками и сербами распри и объ условіяхъ примиренія между сербскою церковію (во владѣніяхъ I. Углеши) и цареградскою патріархіею. Ἐπεὶ τοίνυν Στέφανος ἐκεῖνος ὁ Οὔρεσης, Σερβίας καὶ Ῥωμανίας αὐτοκράτορα ἑαυτὸν ἀνειπὼν, τῷ ὄψει τοῦ ἀξιώματος καὶ τῷ μεγέθει τῆς ἐξουσίας τὴν καρδίαν συνεπαρθεὶς, οὐ μόνον τὰς ἀλλοτρίας καὶ μὴ ὑποκειμένας αὐτῷ πόλεις πλεονεκτικοῖς ὀφθαλμοῖς ἑώρα, καὶ ἄδικα ξίφη κατὰ τῶν μηδὲν ἠδικηκότων ἐγύμνου, καὶ τῆς ῥωμαϊκῆς ἐλευθερίας καὶ πολιτείας τοὺς ταύτῃ φύντας καὶ τραφέντας καὶ αὐξηθέντας ἐλεινῶς ἀπεστέρει, ἀλλὰ καὶ μέχρι τῶν θείων τὴν ἀδικίαν ἐξέτεινε καὶ τὰ ἀρχαῖα τῆς ἐκκλησίας θεσμὰ, ἔτι καὶ τὰ τῶν πατέρων ὅρια κακῶς ὑπερβαίνειν καὶ διασπᾶν ἐπεχείρησε καὶ κατατέμνειν εἰς ἀνισότητα, ὥσπερ ἕτερός τις τῶν ἐξ οὐρανοῦ κριτής τε καὶ νομοθέτης τῶν τοιούτων κατατολμῶν καὶ νόμον κύριον μὴ ὅτι γε τῶν ἀνθρωπίνων, ἀλλὰ καὶ τῶν θείων πραγμάτων τὸ ἑαυτοῦ τιθεὶς θέλημα αὐτοχειροτόνητον μὲν ἀκανονίστως ἐπλάσατο πατριάρχην, οὐκ ὀλίγας δὲ μητροπόλεις τῆς καθολικῆς τοῦ Χριστοῦ ἐκκλησίας τολμηρῶς ἁφαρπάσας ἐπιδέδωκε τούτῳ, κἀντεῦθεν συνέβη σχίσμα τῆς ἐκκλησίας οὔ τι σμικρὸν γεγενῆσθαι καὶ τὰ μέλη τοῦ σώματος τοῦ Χριστοῦ καὶ τῆς κεφαλῆς ἀθλίως ἀποῤῥαγῆναι καὶ τῆς ἀπὸ κεφαλῆς ζωτικῆς προϊούσης δυνάμεως στερηθῆναι καὶ νεκρωθῆναι... διὰ τοῦτο κἀγὼ ἀποδίδωμι... τῷ πάντων βασιλεῖ καὶ δεσπότῃ, τῷ κυρίῳ ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστῷ, τῇ καθολικῇ ἐκκλησίᾳ καὶ τῷ παναγιωτάτῳ μου δεσπότῃ, τῷ οἰκουμενικῷ πατριάρχῃ πάσας τὰς ἁρπαγείσας ἐκκλησίας καὶ μητροπόλεις καὶ πάντα τὰ πατριαρχικὰ δίκαια ὅλῃ χειρὶ καὶ γνώμῃ... ὅθεν καὶ ἡ τοιαύτη τοῦ θείου δικαίου ἀπόδοσις καὶ ἡ πρὸς τὴν καθολικὴν ἐκκλησίαν καταλλαγὴ καὶ ὑποταγὴ ἕξει τὸ μόνιμόν τε καὶ ἀκατάλυτον μέχρι τῆς συντελείας τοῦ αἰῶνος... Miklosich et Müller, Acta Patr. Const. I, p. 562. 563.

[33]) Изъ греческой граматы патр. Филоѳея о примиреніи сербской церкви во владѣніяхъ Іоанна Углеши съ цареградскою патріархіею приводимъ здѣсь только тѣ мѣста подлинника, которыя объясняютъ начало и причины происшедшей «схизмы» между греками и сербами

и ясно выражаютъ формулу соборнаго опредѣленія о «примиреніи»: Φθάνει πρὸ χρόνων ἤδη πολλῶν ἡ μήτηρ τῶν ἐκκλησιῶν, ἡ ἁγιωτάτη καὶ καθολικὴ μεγάλη ἐκκλησία τοῦ Χριστοῦ, στερηθεῖσα τῶν περὶ τὰ μέρη τῆς Σερβίας ἰδίων μητροπόλεων, ἄνωθεν καὶ ἐξ ἀρχῆς ὑπὸ ταύτην τελουσῶν, ὁπηνίκα ὁ τῆς Σερβίας τὸ τηνικαῦτα κράλης, ὁ κῦρις Στέφανος ἐκεῖνος, τὸν τῶν Ῥωμαίων τόπον παραλαβὼν καὶ τὰς ἐκκλησίας ἀποστήσας τῇ καθολικῇ καὶ μητρὶ παραδέδωκε πρὸς τὸν ἀρχιεπίσκοπον Πεκίου καὶ Σερβίας, καὶ ὑπὸ τὴν ἐκείνου ἐνορίαν ταύτας ἀποκατέστησε, καὶ ἐχειροτονοῦντο κακῶς ὑπ' ἐκείνου καὶ παρανόμως οἱ τῶν ἡμετέρων ἐκκλησιῶν ἀρχιερεῖς καὶ προστάται, δι' ἃ καὶ ἀπέστησαν τῆς ἡμῶν κοινωνίας αὐτός τε πρῶτος ὁ ἀρχιεπίσκοπος καὶ οἱ σὺν αὐτῷ πάντες καὶ ὅσοι περ ὑπ' αὐτοῦ τὰς χειροτονίας ἐλάμβανον, ἀρχιερεῖς τε καὶ ἱερεῖς καὶ διάκονοι καὶ ὁ λοιπὸς ἱερατικὸς κατάλογος... И вотъ, по просьбѣ деспота Сербіи (Σερβίας) Іоанна Углеши, на соборѣ — ἡνώθησαν αἱ μητροπόλεις αὗται τῇ μεγάλῃ καὶ καθολικῇ ἐκκλησίᾳ, ἀπολαβούσῃ πάλιν τὰ ἑαυτῆς, ἅπερ ἐστερήθη πρὸ χρόνων, καὶ ἐδεξάμεθα τοὺς ἀρχιερεῖς αὐτῶν εἰς κοινωνίαν, ἑτέρους δὲ καὶ ἐχειροτονήσαμεν, καὶ γέγονεν ἕνωσις καὶ ἀποκατάστασις ὡς τὸ πρότερον. διὰ ταῦτα συνδιασκεψαμένη ἡ μετριότης ἡμῶν τῇ περὶ αὐτὴν ἱερᾷ καὶ μεγάλῃ συνόδῳ τῶν ἱερωτάτων ἀρχιερέων καὶ ὑπερτίμων τὸ παρὸν ἀπολύει συνοδικὸν σιγιλλιῶδες γράμμα, δι' οὗ καὶ παρακελεύεται ἐν ἁγίῳ πνεύματι στέργειν καὶ ἐμμένειν τὴν γεγονυῖαν ἱερὰν ταύτην πρᾶξιν εἰς τὸ ἑξῆς, ὥστε ἡνωμένας εἶναι ἀπὸ τοῦ νῦν τὰς ἐκκλησίας ταύτας τῇ ἁγιωτάτῃ καὶ καθολικῇ τοῦ Χριστοῦ μεγάλῃ ἐκκλησίᾳ καὶ μηδένα τῶν ἁπάντων ἔχειν ἄδειάν ποτε τῶν καιρῶν καθ' οἱονδήτινα τρόπον τολμῆσαι ἀποστῆσαι τὰς ἐκκλησίας ταύτας τῆς μεγάλης ἐκκλησίας, κἂν εἴ τι καὶ γένηται ἐπὶ τῷ τόπῳ τούτῳ, εἴτε μεταλλαγὴ τοῦ αὐθέντου τοῦ τόπου, εἴτε τι ἕτερον и т. д. Miklosich et Müller, Acta Patr. Const. I, 553 и слѣд. Въ силу извѣстныхъ условій «примиренія», владѣнія І. Углеши подчинены были въ церковномъ отношеніи вѣдѣнію митрополита драмскаго, который, по рѣшенію патріаршаго синода (отъ мая 1371 г.), долженъ былъ охранять тамъ права патріаршаго цареградскаго престола: τῷ τοιούτῳ ἱερωτάτῳ μητροπολίτῃ Δράμας ἀνατίθησιν ἡ μετριότης ἡμῶν τὴν ἐξαρχίαν καὶ διοίκησιν τῶν πατριαρχικῶν πάντων δικαίων τῶν ἐν τῇ ἀρχῇ καὶ ἐπικρατείᾳ πάσῃ τοῦ εὐτυχεστάτου δεσπότου Σερβίας, ἐν ἁγίῳ πνεύματι ποθεινοτάτου υἱοῦ τῆς ἡμῶν μετριότητος, κὺρ Ἰωάννου τοῦ Οὐγκλεση... Miklosich et Müller, Acta Patr. Const. I, p. 559.

[34]) Иречекъ, Исторія болгаръ (Одесса 1878), стр. 430 и слѣд.

[35]) Въ чемъ выражались практическія слѣдствія «схизмы» въ отношеніяхъ между сербскою церковію и цареградскою патріархіею,— показываетъ напр. грамата патр. Филоѳея отъ 1368 г. (м. апрѣля) по поводу нарушенія протомъ Св. (Аѳонской) Горы епископскихъ правъ еп. г. Іериссо и Святой Горы (Miklosich et Müller, Acta Patr. Const., I, p. 555—7). Патр. Филоѳей, защищая въ своей грамотѣ

права епископа г. Іериссо на Святую Гору, запрещаетъ при этомъ святогорцамъ принимать къ себѣ священныхъ лицъ сербскаго посвященія... μήτε παρ' ἄλλου τινός, περὶ μέντοι τῶν χειροτονουμένων παρὰ τῶν Σέρβων παρακελεύεται ἡ μετριότης ημῶν διὰ τοῦ παρόντος σιγιλλιώδους γράμματος, μὴ δέχεσθαι αὐτούς τινα τῶν Ἁγιορειτῶν κατὰ τὸ παρὸν, пока не возвратятся посланные къ сербамъ послы и не сообщатъ объ ихъ намѣреніи приступить къ союзу съ великою церковію (ἕως ἂν οἱ παρ' ἡμῶν πρέσβεις ἀποσταλέντες ἐκεῖ ὑποστρέψωσιν, ἵνα γνῶμεν, εἴπερ ἡνώθησαν καὶ ὑπείκουσι τῇ καθ' ἡμᾶς ἁγιωτάτῃ τοῦ Θεοῦ μεγάλῃ ἐκκλησίᾳ, καὶ τότε γένηται τὸ δέον); а затѣмъ (нѣсколько ниже), въ заключеніи, опять говоритъ о непринятіи святогорцами «сербской хиротоніи» съ того времени, какъ сербы «отдѣлились отъ общенія съ великою и каѳолическою церковію» и «обладаютъ принадлежащими ей церквами», доколѣ не возвратятся «послы», посланные въ Сербію ради «единенія», и пока со стороны «священнаго и великаго синода» не будетъ сдѣлано распоряженія, обязательнаго и для святогорцевъ: περὶ δὲ τῆς τῶν Σέρβων χειροτονίας, οὐ νῦν ἡμεῖς λέγομεν, μὴ δεχθῆναι ταύτην παρὰ τῶν Ἁγιορειτῶν, ἀλλ' ἀφ' οὗ ἐχωρίσθησαν τῆς ἡμῶν κοινωνίας καὶ ἐκράτησαν τὰς ἐκκλησίας τὰς ἀνηκούσας ἡμῖν καὶ ὑπὸ τὴν καθ' ἡμᾶς μεγάλην καὶ καθολικὴν ἐκκλησίαν τελούσας, ἐξ ἐκείνου οὐ δέχονται τούτους οὔτε ἐνταῦθα, οὔτε ἀλλαχοῦ, ἐπεὶ δὲ ἐζήτησαν νῦν ἑνωθῆναι πάλιν ἡμῖν, καὶ ἀπεστείλαμεν καὶ πρέσβεις διὰ τὴν ἕνωσιν, διὰ τοῦτο εἴρηκεν ἡ μετριότης ἡμῶν, μήπω δέχεσθαί τινα τούτους, ἕως ἂν ὑποστρεψάντων τῶν πρέσβεων γνωρίσωμεν, τί μέλλει γενήσεσθαι, καθὼς γίνεται καὶ ἐνταῦθα παρὰ τῇ ἱερᾷ καὶ μεγάλῃ συνόδῳ καὶ παρὰ πᾶσι τοῖς ἄλλοις τοῖς ὑπ' αὐτὴν τελοῦσι, τοῦτο γοῦν γινέσθω καὶ παρὰ τῶν κατοικούντων ἐν τῷ Ἁγίῳ Ὄρει. Miklosich et Müller, Acta Patr. Const., I, p 556—7. Поэтому неудивительно, что святогорскій старецъ Исаія, родомъ сербъ, искренно сокрушался, когда, живя на Аѳонѣ, видѣлъ, что «грьци не пріимахоу кь приобштенію прѣчистыхь и божьствныихь таинь србьскые свештенноначелникы, нь и паче вельми хоуляхоу» (см. объ этомъ прим. 36).

[36]) Въ виду важности историческихъ подробностей объ окончательномъ примиреніи сербской церкви съ цереградской патріархіей и въ виду дѣлаемыхъ отсюда неодинаковыхъ выводовъ, для правильнаго и всесторонняго пониманія разсматриваемаго факта не излишне привести полный славянскій текстъ сказанія объ этомъ изъ т. н. «Родослова». Авторъ «Родослова», кратко замѣтивъ о продолженіи «схизмы» при Стефанѣ Урошѣ V и Вукашинѣ, сообщаетъ далѣе слѣдующія подробности изъ исторіи окончательнаго примиренія сербской церкви съ цареградской патріархіей: «Чьстьнѣишии же старьць кирь Исаиꙗ зьлобѣ сеи нераздрѣшеноіє видѣвь, ревьностию раждегъ се божьствьною, прииде кь кнезоу Лазароу, и ськазоуієть іємоу о вешти. кнезь же Лазарь, боголюбивь сы и многыими добродѣтѣльми оукрашень, сиꙗ оуслышавь иже о предьреченѣи зьлобѣ, въ мнозѣ печали бысть; посылаієть старьца кирь Исаию кь патриꙗрьхоу срьбьскомоу Савѣ. и пришьдь ієдва оумоли ієго о семь раздрѣшении, онь же прѣклонивь се и моли старьца Исаию поити вь Цариградь поискати о семь раздрѣше-

ниіє. онь же семоу повиноувь се ıако поити, и пришьдь кь кнезоу вьзеть отъ ніего ıаже на потрѣбоу довольнаıа, и тако іемліеть се поути. поіеть же сь собою чьстьнааго въ добродѣтѣлехь бывьшааго прота Светыіє Горы кирь Теофана и два оученика (іего) Силивестра и Нифона, сь сими и Никодима глаголомь тльковатеıа, и сьбороу вьсемоу оповѣдаіеть, старои царици кирь Єлисавьти и вьсѣмь соуштиимь властеломь. таже вь Светоую Гороу вьшьдь, и отьтоудоу вь корабль вьлѣзе царьствоуюштааго града достигь, страхь и бѣды многыіє приіємь, царьствоуюштоу тогда Калоıаноу Палеологоу и сыну іего кирь Маноилоу, патриıарьхоу кирь Филотею моужоу добродѣтѣльноу и прѣмоудроу. таже оувѣдѣно бысть пришьствиіє старца Исаиіє и вина іеіеже ради прииде, и приіеть сего патриıарьхь и вьсь сьборь, ıакоже іесть лѣпо, сь чьстию многою. Таже сьвѣть сьтворьше о семь, праштають прѣжде бывьша запрѣштениıа и отьлоучениıа цара и патриıарьха и вьсѣхь живыихь и прѣставльшиихь се, и приіємлють вьсе арьхиіереіє и иіереіє вь приобьштениіє и сьслоужениіє. бываіеть же здѣ нѣчьто лоучьше ради сихь пришьдьшиихь, паче же за кирь Исаию, понеіеже бѣ зѣло вьзлюбліень патриıарьхоу. того ради дароують не кь томоу (не тькьмо) имѣти арьхиіепскопа срьбліємь, нь патриıарьха самовластьна и никыимь же обладаіема, іедину о семь давьше заповѣдь, ıако аште оукрѣпетьсе срьбли и грьчьскыіе пакы страны приимоуть, митрополить и помень тѣхь рекьше патриıарьховѣхь да не прѣмѣнеть, ıакоже и сьборьнаıа повелѣвають правила. и семоу бывьшоу, написоують кь потврьждению синьгелиıа, и отьпоуштають іего сь любовию и чьстию, и сь ними два человѣка избрана кь лоучьшемоу извѣштению, вь свештеноиноцѣхь кирь Матеıа и кирь Моисеıа. иже пришьдьше вь Призрѣнь ıако оть лица патриıарьхова, и вьшьдьше вь црьковь царевоу слоужише и приобьштише се светителіємь и свештеникомь срьбьскыимь отьлоученыимь прѣжде». «Въ то же врѣме прѣстави се Сава патриıарьхь» и т. д. «Си же пришьдьше изь Цариграда праштають цара Стефана, Иоаникиıа патриıарьха и Савоу патриıарьха и Оуроша царя и вьсѣхь малыихь и великыихь, и бываіеть радость велика и веселиіє, сьіединише бо се оуди кь главѣ, и приіеть пакы црькьви своіє благолѣпиіє». «Родословъ», стр. 381—3.

Нѣкоторыя свѣдѣнія объ окончательномъ примиреніи сербской церкви съ цареградскою патріархіею, хотя и не столь подробныя какъ въ «Родословѣ», находятся въ разныхъ и немалочисленныхъ сербскихъ источникахъ, изъ которыхъ мы обращаемъ больше вниманія на свидѣтельства Константина Философа (Костенчскаго) въ житіи деспота Стефана (1389—1427), сына Лазаря («Гласник», кн. XLII, стр. 258—9: «Бѣше оубо семоу, т. е. Лазарю, прьвоіє оупражніениіє, іеже небесемь тьчно, црьковьнаго мира и оустроіеніа. Прѣжде мьню ıако оть дьни цара Стефана Доушана рекомаго, и сьборьніе цьркве срьбскаіа отцѣписе и кь хоуждьшомоу погроужише се ıакоже многашти оть малыхъ искрь великь огнъ возгорѣваіет се. Видѣ бо, т. е. Ла-

зарь, юже растрьгнутиѥ и вѣшть ѥлико неначинательноу и велики моудрьць онь — вьмѣщаеть се посредѣ самь, ѥлика нужда ѥже бѣше приоумыслити не небрѣже ни о ѥдинои и абиѥ оустрои сестрь обоихь други себѣ быти многа оуже врѣмена разлоучениѥ плакавьшихь дроугь оть дроугиѥ. Чьто сего величайшеѥ вь владавьшихь на земли или чьто Богоу оугоднѣйшеѥ?»); въ житіи патр. Ефрема 1376—82 г. («Starine», кн. XVI, стр. 38: ...престави се блажени патриархъ Сава. та путъ царствоваше вели князъ Лазаръ у великои тишини, и божественимъ духомъ огражденъ бываше. И по нѣкои неслоге беше раскольничество преждни царева между цркве велике цариградске и србске. Господин же князъ Лазаръ не трпе то гледатъ такова раздирания као благочестивъ, но совѣтъ сотвори со своимъ соборомъ и свѣтлимъ властелемъ. Живуштимъ у Святои Гори святие мужи избираютъ нѣкоего велика старца именемъ Исаию и помотника и лубомудрена мужа попа Никодима, и пошле и у Цариградъ къ преосвяштеномъ патриарху Филоѳею и свештенимъ сѵнодомъ. И соединяютъ цркве. И тако додјоше послати изъ Цариграда благословениемъ и радостию великою. И возвесели душе господъ српски архиеревъ и велможъ и всехъ прочихъ христианъ, и собираютъ соборъ и ишту мужа достоина таковомъ благословению и соединению духомъ святимъ, и обрѣтаютъ сего смиреннаго»... (т. е. патр. Ефрема) и т. д. А приведенныя выше подробности «Родослова» въ сокращенномъ видѣ и съ нѣкоторыми измѣненіями (напр. имени Никандра вм. Нифонта) и отчасти дополненіями, касающимися въ частности и разсматриваемаго здѣсь событія, содержатся также въ житіи старца Исаіи (напечат., съ предварительными замѣчаніями о жизни и значеніи его, архим. Никифоромъ Дучичемъ въ «Гласникѣ», кн. LVI, 1884 г. стр. 63—77). Любопытно здѣсь, напр., начало разсказа о миссіи Исаіи: «Нѣкогда оубо бившоу прѣкословию и расхолѣ и не сьглашенію начелникомь црьковьнимь, грькомь и срблемь, и не пріимахоу грьци кь приобштенію прѣчистыхь и божьствныихь таинь србьскые свештенноначелникы, нь и паче вельми хоулѧхоу. Видѣвь же то блажени отьць нашь Исаїа, и да не оумножит се злоба и подвигь се доухомь светимь сь великымь потьштанїемь» и т. д.—съ нѣкоторыми только сокращеніями «Родослова» и безъ тѣхъ заключительныхъ подробностей, о которыхъ разсказывается въ «Родословѣ» послѣ словъ: «того ради дароують и пр. Въ заключеніи говорится кратко, что «вьселенскіи же светіи патріархь не тькмо испльни вса повелѣннаа о всакыхь работахь доуховніихь, иже вьсхотѣ прѣподобни, нь и сь великою почьстію отьпоусти блаженнаго». См. въ «Гласникѣ», кн. LVI, стр. 75—6.—Что касается личности старца Исаіи, принимавшаго столь дѣятельное участіе въ примиреніи сербской церкви съ цареградской патріархіей, то свѣдѣнія объ немъ, до недавняго времени скудныя, пополняются теперь упомянутымъ житіемъ его, напечатаннымъ архим. Н. Дучичемъ. Родился онъ въ началѣ XIV в. въ Полимлѣ (м. б. въ Липлянской епархіи?) отъ знатныхъ сербскихъ родителей, былъ нѣкоторое время при дворѣ (вѣроятно въ правленіе Стефана Дечанскаго), откуда, по искреннему вле-

ченію къ уединенной иноческой жизни, удалился въ монастырь Іоакима Сарандапорскаго. Отсюда отправился онъ на Аѳонъ въ м. Хиландарь, гдѣ пользовался любовію старца—игумена Арсенія, который представилъ его вниманію путешествовавшаго (около 1348 г.) по Аѳону царя Душана съ царицею Еленою. Снискавши благорасположеніе царя, Исаія испрашивалъ теперь у него самъ милостыню для разныхъ святогорскихъ монастырей, гл. обр. для Хиландаря, русскаго Пантелеймонова монастыря и м. св. Павла. Упомянутое житіе отмѣчаетъ нѣсколько другихъ фактическихъ данныхъ относительно жизни и подвиговъ старца Исаіи. Но самымъ выдающимся его подвигомъ было примиреніе сербской церкви съ цареградской патріархіей. По какимъ побужденіямъ онъ взялъ на себя эту примирительную миссію? По житію — расколъ и проистекавшія отсюда ненормальныя отношенія между сербами и греками (недопущеніе къ пріобщенію св. таинъ сербскихъ священноначальниковъ, глумленіе и пр.) внушили ему мысль «да не оумножит се злоба» (см. подл. текстъ выше). Къ этому, все-таки не вполнѣ опредѣленному, сообщенію житія архим. Иларіонъ Руварацъ (въ соч. «О кнезу Лазару. Нови Сад. 1888», стр. 112 — 113, 139) присоединяетъ напр. слѣдующіе комментаріи: «Святогорскіе монастыри терпѣли отъ раскола между греческою и сербскою церквами, ибо, какъ пишетъ Іосифъ Миллеръ въ «Slaw. Bibliothek», I, 134 (ср. Acta Patr. Const., 555—7 и выше у насъ прим. 35), святогорскимъ монахамъ запрещено было принимать къ общеніе священныхъ лицъ, рукоположенныхъ сербскими архіереями, что, при значительномъ числѣ сербскихъ монаховъ на Св. Горѣ, было предметомъ распрей и взаимныхъ озлобленій (см. «Гласник», VIII, 127 Сигилион объ Іериссо и Св. Горѣ—между прочимъ, о томъ, чтобы не принимать монаховъ сербскихъ на Св. Гору, до возсоединенія сербовъ съ константинопольскою церковію; Muralt, Essai de Chronographie byzantine, II, p. 682—3; Slav. Bibliothek, I, 234—237)». Архим. Руварацъ думаетъ, что миссія старца Исаіи въ Цареградъ предпринята была вслѣдствіе упомянутыхъ святогорскихъ отношеній между сербами и греками, «такъ какъ въ житіи ничего не говорится о сербской землѣ и сербской церкви». «И можетъ быть, продолжаетъ тотъ же авторъ, святогорецъ Исаія предпринялъ свою первоначальную миссію къ князю Лазарю (въ концѣ 1374 г.) по совѣту самого патр. Филоѳея». Конечно, для послѣдняго предположенія нѣтъ основаній въ житіи, которое, наоборотъ (какъ и другіе источники, напр. «Родословъ»), инициативу въ этомъ дѣлѣ приписываетъ старцу Исаіи и князю Лазарю, какъ и ранѣе таже попытка была предпринимаема со стороны с е р б с к о й (со стороны, напр., деспота І. Углеши). Впрочемъ, мы не отрицаемъ, что и со стороны грековъ тяготѣніе «схизмою» было замѣтно и не менѣе можетъ быть побуждало ихъ скорѣе вступить въ церковное общеніе съ сербами (какъ это ясно выразилось въ фактѣ окончательнаго ихъ примиренія). Такъ, напр., есть извѣстіе, что ок. 1362 г., въ концѣ вторичнаго своего (1355 — 1362 г.) патріаршествованія, патр. Каллистъ посланъ былъ изъ Цареграда въ Сересъ для договора съ царицею Еленою (въ мон. Елизаветою) о мирѣ и союзѣ съ сербами противъ общаго непріятеля (турокъ), но прибывъ сюда умеръ самъ и скоро цѣлая его свита, а царица Елена—Елизавета устроила ему торжественные похо-

роны. Конечно, при переговорахъ о политическомъ союзѣ грековъ и сербовъ могла заходить рѣчь и о церковномъ примиреніи: надвигавшаяся гроза завоевателей-турокъ, вѣроятно, настойчиво внушала той и другой сторонѣ мысль о примиреніи. Cantacuz. (ed. Bonn.), vol. III, lib. IV. c. 50, p. 360—1.

[37]) «Родословъ», стр. 386.

[38]) Ср. выше прим. 4 и 5. Есть и другіе оттѣнки желаній и предположеній по вопросу о томъ: кто можетъ считаться наслѣдникомъ предстоятелей уничтоженной печской патріархіи. Но мы не останавливаемся на нихъ въ виду ихъ неясности и нерѣдко фантастичности.

[39]) См. напр. ясное выраженіе этого принципа въ 28 прав. IV всел. (халк.) собора: «Во всемъ послѣдуя опредѣленіямъ святыхъ отецъ, и мы опредѣляемъ о преимуществахъ святѣйшія церкви Константинополя, новаго Рима. Ибо престолу ветхаго Рима отцы прилично дали преимущества: поелику то былъ царствующій градъ. Слѣдуя тому же побужденію, и сто пятьдесятъ боголюбезнѣйшіе епископы, бывшіе на соборѣ во дни Ѳеодосія, въ царствующемъ градѣ, предоставили равныя преимущества святѣйшему престолу новаго Рима, праведно разсудивъ, да градъ, получившій честь быти градомъ царя и синклита, и имѣющій равныя преимущества съ ветхимъ царственнымъ Римомъ, и въ церковныхъ дѣлахъ возвеличенъ будетъ подобно тому, и будетъ вторымъ по немъ»... Въ 17 прав. того же собора говорится между прочимъ: «... аще царскою властію вновь устроенъ, или впредь устроенъ будетъ градъ: то распредѣленіе церковныхъ приходовъ да послѣдуетъ гражданскому и земскому порядку». Ср. выраженіе того же принципа, еще ранѣе, во 2 прав. II всел. соб. (гдѣ указаны предѣлы областнаго управленія церкви въ вост. половинѣ Римской имперіи, примѣнительно къ гражданскому ея дѣленію). Архим. Іоаннъ (впосл. еп.), Опытъ курса церковнаго законовѣдѣнія, вып. II, 311 и др. Съ другой стороны, примѣненіе того-же принципа можно находить и въ 12 прав. IV всел. собора: «Дошло до насъ, яко нѣкіе, вопреки церковнымъ постановленіямъ, прибѣгнувъ ко властямъ, посредствомъ прагматическихъ граматъ, единую область на двѣ разсѣкли, яко быти отъ сего во единой области двумъ митрополитамъ. Посему опредѣлилъ святый соборъ да ничто таковое творити впредь не дерзаетъ епископъ». Тамъ же, стр. 284 и слѣд.

[40]) См. выше прим. 13.

[41]) См. выше прим. 14.

[42]) Ср. у Сретьковича «Историја», II, стр. 521; см. выше прим. 24.

[43]) Архіереи девяти славянскихъ епархій уничтоженнаго патріархата, чрезъ владыку черногорскаго Савву Петровича, обращались съ такою просьбою къ московскому митрополиту Платону. Письмо владыки напеч. въ «Гласникѣ», кн. XXII, стр. 357 и слѣд. См. Голубинскій, цит. соч., стр. 489.

[44]) Иречекъ, Исторія болгаръ, стр. 461, 476; Ср. Rački, Bogomili i Patareni (U Zagrebu, 1870, перепеч. изъ «Rad jugosl. akad. znanosti i umjetnosti», кн. VII, VIII, X), стр. 165.

[45]) См. выше прим. 42 и 24.

[46]) См. брошюру: «Независност српске цркве проглашена 1879 г.» (Београд 1880), гдѣ собраны и напечатаны всѣ офиціальные документы, касающіеся провозглашенія полной автокефаліи сербской церкви въ нын. королевствѣ Сербскомъ.